

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(НИУ «БелГУ»)

ИНСТИТУТ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ И
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

КАФЕДРА РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

**ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МИГРАЦИИ В
НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ**

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
45.04.01 – Филология, Теория и практика межкультурной коммуникации
очной формы обучения
группы 04001623
Непорожней Екатерины Павловны

Научный руководитель:
кан. филол. наук Пристинская Т.М.

Рецензент:
кан. филол. наук, доц. Крот О.Н.

Содержание

Введение.....	4
Глава I. СПЕЦИФИКА МЕДИЙНОГО ДИСКУРСА И ЕГО ОСВЕЩЕНИЕ В НАУЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ	11
1.1. Дефиниция дискурса в трудах отечественных и зарубежных ученых.....	11
1.2. Специфика и функции медийного дискурса.....	20
1.3. Прагматический потенциал языковых средств медийного дискурса.....	24
1.4. Освещение лингвистического и лингвокультурологического аспектов миграции в СМИ и научных трудах	31
Выводы по главе I.....	36
Глава II. ОСОБЕННОСТИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ТЕМАТИЧЕСКОЙ СФЕРЫ «МИГРАЦИЯ» НА ПРИМЕРЕ ПОНЯТИЙ "FLÜCHTLING" И "MIGRATION" В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ.....	39
2.1. Синонимическая лексика в репрезентации тематической сферы «Миграция»	39
2.2. Основные модели словообразовательных конструкций в номинации понятий тематической сферы «Миграция»	56
2.3. Эвфемизация как средство снижения категоричности репрезентации понятий тематической сферы «Миграция».....	65
2.4. Косвенные номинации в отражении миграции в медийном дискурсе.....	71
2.5. Особенности лексико-семантической валентности номинативных единиц тематической сферы «Миграция»	80

Выводы по главе II	90
Заключение.....	94
Список использованной литературы	96
Список источников фактического материала.....	105
Список использованных словарей.....	106

Введение

В условиях современной глобализации становится очевидной необходимость усовершенствования существующих и разработки новых методов исследования языка в связи с изменившимися условиями его функционирования, нашедшими отражение в языке. Миграция является одним из самых значимых явлений в жизни мирового сообщества. Проблема миграции не теряет своей актуальности на протяжении многих лет, оставаясь предметом напряженных дискуссий как в отдельных странах, так и на международном уровне. Миграционные процессы стали неотъемлемой частью современной жизни, которая характеризуется масштабными изменениями, они все в большей степени влияют на жизнь мирового сообщества. Это влияние особенно заметно в государствах, которые занимают лидирующие позиции в рейтинге стран с наибольшим количеством иммигрантов. Так, по данным ОБСЕ, в 2013 г. в тройку лидеров вошли США (45,8 млн. чел., или 20 % от общего населения страны), Россия (11 млн. чел.) и Германия (9,8 млн. чел.) В 2015 г. ситуация усугубилась за счет массового притока беженцев из регионов с нестабильной ситуацией – стран Ближнего Востока и Африки. По данным ОБСЕ, с января по сентябрь 2015 г. на территории ЕС зарегистрировано более 700 000 заявлений на предоставление политического убежища, большая часть которых приходится на Германию. В 2015 году только в Гамбурге разместили 35 тысяч беженцев – половину от числа мигрантов, принимаемых в США в год.

В Германии иммиграция определяет развитие общества, начиная с прибытия первых трудовых иммигрантов – гастарбайтеров в 60–х гг. XX века. Исторические, культурологические и политические факторы обусловили особенности освещения данной темы в СМИ и ее восприятия в

обществе. По справедливому мнению некоторых исследователей, эта тема заслуживает внимания, поскольку отражает когнитивные и социальные параметры современного состояния языка.

Зеркалом изучаемой проблемы является пресса: именно там освещаются все связанные с миграцией события и тенденции, именно она формирует в сознании общественности образ мигранта. Немецкое слово *der Flüchtling* (беженец) стало словом 2015 года, характеризующим политическую, экономическую и общественную жизнь. Наблюдается рост синонимических обозначений понятия «беженец» (*der Flüchtling*) в немецких СМИ. В период с 1 января по 1 ноября 2016 года в прессе используется более десятка слов с различными прагматическими нюансами выражаемого значения: (*der*) *Flüchtling*, (*der*) *Asylant*, (*der*) *Asylbewerber*, (*der*) *Asylsuchender*, (*der*) *Aussiedler*, (*der*) *Migrant*. Эти слова имеют различные коннотативные значения, выражают различные оттенки отношения к теме обсуждения.

Медиа в процессе глобальной миграции играют особую роль. Освещая повестку дня и конструируя особую медиареальность, СМИ создают и образ мигранта, который определяет отношение принимающего общества к приезжим. Единой стратегии освещения этого вопроса нет, и в разных печатных изданиях можно встретить разные позиции: некоторые СМИ не высказывают четкую позицию по данной проблеме. Другие, напротив, не только транслируют сложившиеся на данный момент стереотипы на восприятие «чужого», но под давлением политики редакции, запросов аудитории и личной позиции журналистов порой сами способствуют появлению, укоренению и трансформации этих стереотипов. Кроме того, некоторые СМИ транслируют и печатают довольно резкие заявления как позицию своих героев.

Таким образом, очевидна актуальность исследования лексико-семантических и прагматических особенностей медийного дискурса тематической сферы «Миграция». Изучение медиакommunikation является

одним из наиболее перспективных направлений лингвистики, что непосредственно связано с возрастанием роли СМИ на современном этапе развития цивилизации. Как указывает Е.С. Кубрякова, антропоцентризм становится одним из главных параметров современной лингвистики, которая ставит «вопрос о социальной интерпретации языка/речи на уровне анализа дискурсивных образований как информационно-семиотическом и прагматическом способе социального взаимодействия» (цит. по Универсалюк, 2009: 4). Исследования развития языковых процессов в рамках медийного дискурса как транслятора основных социальных и общественных ценностей дают ответ на этот вопрос. В связи с этим очевидна необходимость рассмотрения дискурса тематической сферы «Миграция» в СМИ, которые отражают и позволяют проследить взаимодействие общества и языка.

Актуальность исследования определяется тем, что в век глобализации и экономической взаимозависимости государств становится необходимым изучение влияния миграционных процессов на язык, что особенно остро ощущается в медийном дискурсе, который, являясь средством коммуникации, наиболее быстро реагирует на общественные изменения различного характера.

Цель выпускной квалификационной работы (далее – ВКР) заключается в комплексном (структурно-семантическом и прагматическом) анализе языковых средств немецкоязычного медийного дискурса, репрезентирующих тематическую сферу «Миграция» на примере понятий "Fluchtling" и "Migration".

Данная цель реализуется посредством решения следующих **конкретных задач**:

- 1) анализа особенностей медийного дискурса;
- 2) выявления средств репрезентации тематической сферы «Миграция»;

3) выявления и описания лексических средств репрезентации тематической сферы «Миграция» в немецких СМИ;

4) выявления и описания эвфемистической и метафорической репрезентации тематической сферы «Миграция» в немецкоязычном медиадискурсе;

5) анализа экспрессивно-эмотивных средств описания миграции в немецких СМИ.

В ходе исследования фактического материала в работе использовались: метод компонентного анализа значения лексем, методы дискурсивного и лингвостилистического анализа, а также элементы статистического учета. При обобщении, систематизации и интерпретации лексем тематической сферы «Миграция», извлеченных из текстов немецкоязычных СМИ, применялись и общенаучные методы лингвистического анализа: сопоставление, обобщение, описание.

Материалом для исследования послужили тексты тематической сферы «Миграция» из Интернет-газет, а также онлайн-версий ведущих периодических изданий Германии, а именно *Spiegel* [www.spiegel.de], *Zeit* [www.zeit.de] и *Bild* [www.bild.de], в которых используются средства репрезентации понятий "Flüchtling" и "Migration" (общим объемом более 1000 единиц). Выбор анализируемых источников обусловлен популярностью изданий и их политической направленностью, что позволило добиться аргументированности и репрезентативности результатов. В Германии тема миграции активно освещается в СМИ, поэтому возникла необходимость ограничения исследуемого материала. Было принято решение отобрать публикации методом сплошной выборки за период интенсивных миграционных процессов в Европе с 2015 по 2018 год.

В качестве **объекта** исследования выступает медийный дискурс, в котором проявляются разные аспекты языковых средств репрезентации тематической сферы «Миграция» в немецких СМИ, отражающие различные отношения населения к миграционным процессам.

Предметом исследования являются лексико-семантические средства репрезентации тематической сферы «Миграция» в медийном дискурсе.

Научная новизна данного исследования состоит в том, что в нем:

– впервые детально рассматриваются различные лингвистические средства репрезентации тематической сферы «Миграция» в современном медийном дискурсе на материале немецкого языка;

– впервые рассмотрены особенности функционирования ключевых понятий данной тематической сферы в дискурсе и описан семантический и прагматический потенциал их репрезентантов в динамике.

Рабочая гипотеза исследования базируется на предположении о том, что дискурс тематической сферы «Миграция» обладает определенным, чаще негативным, прагматическим потенциалом, который реализуется в СМИ при помощи комплекса лингвистических средств воздействия на аудиторию.

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. Медийный дискурс тематической сферы «Миграция» – это поли- и интердискурсивное многогранное образование, самостоятельный тип дискурса, находящийся на стыке нескольких типов дискурсов (политического, экономического, социального и других), стремительно развивающийся и быстро реагирующий на основные события в мире.

2. В современной Германии тематическая сфера «Миграция» является общественно важной темой, влияние которой на язык проявляется в обновлении лексического состава языка за счет синонимии и метафоризации существовавших ранее в языке лексических единиц, а также за счет новообразований и их участия в словообразовании.

В основе ВКР лежат **теоретические труды** П. Серио, М. Фуко, В.И. Карасика, Н.Д. Арутюновой, В.З. Демьянкова, Г.Я. Солганика, Е.Ф. Кирова, В.Е. Чернявской, М.Л. Макарова, Т. ван Дейка, М. Юнга, Г. Штецеля, А. Буша и других. Особенности дискурса тематической сферы «Миграция», находящегося в неразрывной связи с политическим дискурсом и медиадискурсом, обусловили необходимость изучения работ, посвященных

исследованию политического дискурса и коммуникативного воздействия в сфере политики и массовой информации (Баранов 1990; Водак 1997; Володина 2003; Добросклонская 2002; Сметанина 2002; Стрельников 2005; Тагильцева 2006 и др.).

Исследование медийного дискурса тематической сферы «Миграция» невозможно без привлечения работ по этнолингвистике и лингвокультурологии, среди которых особо значимы работы А. Вежбицкой, Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова, Г.Г. Слышкина, О.Д. Иссерс.

Комплексный анализ языка СМИ предполагает обращение к работам исследователей в области семантики и прагматики (Дж. Лакофф, В.Г. Гак, И.В. Арнольд, О.Н. Селиверстова, В.З. Демьянков, В.В. Богданов), а также к работам специалистов лингвокогнитивного направления (А.Н. Аранов, Дж. Лакофф, Э.В. Будаев, А.П. Чудинов, Г.Н. Скляревская и др.).

Теоретическая значимость работы заключается в том, что она позволяет теоретически осмыслить аспекты исследования языка медийного дискурса и расширяет представления об особенностях использования различных лингвистических средств при репрезентации тематической сферы «Миграция».

Практическая ценность обусловлена возможностью применения общих положений и выводов, а также практического материала в преподавании таких курсов, как лексикология, прагмалингвистика, лингвокультурология, медиалингвистика, а также спецкурсов по дискурсивной лингвистике. Результаты исследования могут быть использованы при создании словарей, написании курсовых, выпускных квалификационных работ и магистерских диссертаций, связанных с тематикой исследования.

Апробация работы. Материалы исследования нашли отражение в следующих статьях:

1) Функциональный аспект эвфемизмов тематической группы «Migration»//«Романо-германская филология и межкультурная коммуникация:

межвузовский сборник научных работ студентов, магистрантов, аспирантов». – Вып. 1. – Белгород: «Политерра», 2017. – С. 95–100.

2) Базовые когнитивные стереотипы в спортивном дискурсе немецких СМИ // Культурология, искусствоведение и филология: современные взгляды и научные исследования. – М.: Изд. «Интернаука», 2017. – № 5 (4). – С. 60-64.

3) Понятие «Дискурс» и три подхода к его определению в лингвистике // Молодой исследователь: вызовы и перспективы. – М.: Изд. «Интернаука», 2017. – № 28 (53). – С. 32–36.

4) Дефиниция и специфика медиадискурса в трудах современных ученых // Молодой исследователь: вызовы и перспективы. – М.: Изд. «Интернаука», 2018. – № 3 (56). – С. 54–60.

В рамках студенческой конференции Института межкультурной коммуникации и международных отношений, состоявшейся 18 апреля 2018 года в рамках «Научной Сессии» НИУ «БелГУ», на пленарном заседании был сделан доклад по теме: «Функциональный аспект эвфемизмов тематической группы "Migration"».

Структура и содержание работы определяются комплексом решаемых проблем и задач. ВКР состоит из введения, 2 глав, заключения, списка использованной литературы, списка использованных словарей и списка фактического материала.

Глава I. СПЕЦИФИКА МЕДИЙНОГО ДИСКУРСА И ЕГО ОСВЕЩЕНИЕ В НАУЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

1.1. Дефиниция дискурса в трудах отечественных и зарубежных ученых

Термин «дискурс» в последнее время широко используется в ряде гуманитарных наук, которые прямо или опосредованно изучают функционирования языка. Большинство ученых, работающих в разных сферах (языкознание, психология, социология, журналистика, литературоведение), подчеркивает многозначность этого термина и многообразие точек зрения относительно понимания дискурса. Широким трактовкам дискурса противопоставляются более узкие дефиниции этого явления, в которых дискурс рассматривается в оппозиции к тексту. Дискурс изучают такие науки, как литературоведение, философия, культурология, история, социология, психология. Изучению дискурса посвящены многие работы как отечественных, так и зарубежных лингвистов, однако, несмотря на большое количество исследований по теории дискурса, до сих пор не существует единого определения этого понятия, которое остается объектом горячих дискуссий» (Кубрякова 2001: 8).

Кратко мнения известных ученых о дискурсе можно представить в виде следующей классификации, согласно которой дискурс рассматривается как:

1) связный текст в ситуации общения (Ю.Н. Караулов, В.И. Карасик, В.В. Петров, Н.Д. Арутюнова и др.);

2) массив текстов, совокупность тематически соотнесённых текстов (В.Е. Чернявская, М.В. Йоргенсен, Л. Филлипс, П. Серио, А.А. Киселёва и др.);

3) речевое произведение (письменное или устное) в многообразии его когнитивно-коммуникативных функций (Е.В. Падучева, О.В. Александрова, Т. ван Дейк, Е.С. Кубрякова, О.С. Иссерс, и др.);

4) текст (В.Г. Борботько, Д. Кристал и др.);

5) процесс живого вербализуемого общения (И.А. Стернин, В.В. Дементьев, О.Б. Сиротинина, Н.А. Купина и др.). (Жданова, 2015: 15)

Рассмотрим более подробно работы зарубежных и отечественных ученых, посвященные исследованию дискурса с точки зрения различных подходов к определению этого термина.

При рассмотрении этого вопроса с точки зрения этики, лингвистики, истории и социологии, обычно выделяют **три подхода к определению термина** (Данюшина 2011: 9).

Первый подход опирается непосредственно на лингвистическое употребление термина для обозначения связной речи. В рамках этого подхода исследуется внутренняя организация текста и взаимосвязь его элементов. При этом дискурс трактуется как:

1) связный текст, диалог или связанная между собой по смыслу группа высказываний: («язык выше уровня предложения или словосочетания» – «language above the sentence or above the clause») (Schiffrin 1994: 39-41);

2) единица, по размеру превосходящая фразу, «то есть как высказывания в глобальном смысле» (Данюшина 2011: 9).

Так, например, американский лингвист С. Слемброук под дискурсом понимает корпус текстов, которые «связаны с определенной темой, предметом, комплексом знаний или концептом предмета исследования»; «имеют семантические связи»; «соответствуют заданным ограничениям таких параметров, как период времени, ареал, слой общества»; «с помощью эксплицитных или имплицитных ссылок ссылаются друг на друга, образуют

интертекстуальную связь» (Макушева, 2008: 76). В соответствии с данным подходом дискурс – это последовательность тематически связанных друг с другом текстов (Там же).

Второй подход к пониманию термина «дискурс» и термина «дискурсивные практики» восходит к идеям французских структуралистов Ж. Деррида, М. Пешё, М. Фуко и других, не считавших дискурс лингвистическим явлением и рассматривавших его как **социологический, исторический или идеологический феномен**. В рамках данного подхода дискурс считается отражением культурно-исторического и социального бытия коммуникантов и обуславливает их коммуникативное поведение.

Так, например, Н.Н. Миронова считает дискурс потоком речи, языком в его постоянном движении, вбирающим в себя все многообразие исторической эпохи, индивидуальных и социальных особенностей как коммуниканта, так и коммуникативной ситуации, в которой происходит общение. В дискурсе отражается менталитет и культура как национальная, так и индивидуальная, частная (Осипов, 2011: 35).

В книге "Ideology: A Multidisciplinary Approach" ван Дейк высказывает мнение, что понятие дискурс относится к специфическому историческому периоду, социальной общности или к целой культуре. В этом случае говорят, например, «коммунистический дискурс», «буржуазный дискурс» или «организационный дискурс» (Dijk., 1998).

М. Фуко использовал понятие дискурс при обозначении исторически сложившихся систем знания в обществе. Согласно его мнению, дискурс представляет собой часть дискурсивной практики, т.е. совокупность множества разнообразных сфер человеческого познания, «совокупность анонимных, исторических, всегда детерминированных временем и пространством правил, которые в данной эпохе и для данного социального, экономического, географического или языкового окружения определили условия воздействия высказывания» (Фуко: Электронный ресурс). Отсюда следует его определение дискурса: « <...> будем называть дискурсом

совокупность высказываний постольку, поскольку они принадлежат к одной и той же дискурсивной формации. Дискурс <...> конституируется ограниченным числом высказываний, для которых можно определить совокупность условий существования. Понимаемый таким образом дискурс, естественно, не является идеальной или вневременной формой, которая имела бы ко всему прочему историю; проблема состоит не в том, чтобы спросить себя, как и почему он смог появиться и воплотиться в данной точке времени; он насквозь историчен – фрагмент, общность и прерывность в самой истории, ставящей проблему собственных пределов, разрывов, трансформаций, специфических форм темпоральности, скорее, нежели проблему своего внезапного появления в среде сообществ времени» (Жданова, 2015: 14-15).

Третий подход к употреблению термина «дискурс» связан с исследованиями немецкого учёного Ю. Хабермаса, который понимал под дискурсом **особый вид коммуникации** – аргументированные моральные дискуссии, имеющие целью критическое обсуждение и обоснование взглядов и действий участников коммуникации. Учёный разрабатывал в рамках этики дискурса правила аргументации, которые позволяли бы достичь взаимопонимания между участниками общения и способствовали бы разрешению конфликта (Там же).

Н.Ф. Алефиренко рассматривает дискурс как сложное коммуникативное явление, включающее в себя кроме текста, ещё и внеязыковую информацию. В ведении дискурса находятся и коммуникация, и прагматические ситуации. Своим коммуникативным планом он обращён к когнитивному состоянию коммуникантов, а прагматическим – к речевому употреблению. Тем самым теория дискурса открывает возможность моделировать типовые коммуникативные ситуации и «сценарии» репрезентации знаний в тексте. Таким образом, во взаимодействии высказывания, речевого акта и дискурса обнаруживается определенная сопряжённость. Дискурс – это речемыслительное пространство, в котором

наряду с речевыми высказываниями сосуществуют внеязыковые категории (знание мира, события, мнения, ценностные установки). Одновременно он является сложной системой знаний, которые «формируются и выражаются посредством знаков языка и речи – номинативных, релятивных, символических и образных средств создания художественного текста» (Алефиренко, 2012: 17).

Подобную точку зрения разделяют В.В. Петров, Ю.Н. Караулов, которые понимают под дискурсом «коммуникативное событие, заключающееся во взаимодействии участников коммуникации, посредством вербальных текстов и/или других знаковых комплексов в определенной ситуации и определенных социокультурных условиях общения» (Караулов, Петров, 1989: 8).

Итак, с этой точки зрения дискурс представляет собой сложное многозначное коммуникативное явление – текст в сочетании с прагматическими и социолингвистическими аспектами.

Кроме названных выше подходов к изучению дискурса существует ещё **социолингвистический подход**, сущность которого заключается том, что, во-первых, текст изучается в контексте и, во-вторых, и текст, и ситуация, его порождающая, изучаются в равной степени (Жданова, 2015: 20-21).

Так, например, в рамках этого подхода Н.Д. Арутюнова дает следующее определение дискурса: это связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь» (Арутюнова, 1990: 136-137).

В.И. Карасик в своих трудах говорит о дискурсе как об «общении людей, рассматриваемом с позиций их принадлежности к той или иной социальной группе или применительно к той или иной типичной

речеповеденческой ситуации» (Карасик, 2013: 38). Е.В. Кравцова отмечает, что российский ученый разработал классификацию типов дискурса, взяв за основу типологии социологические критерии: дискурсивную обстановку, статусно–ролевые характеристики участников дискурса и дистанцию (проксемику) общения (Кравцова, 2012: 130-131). На основании данных критериев В.И. Карасик выделяет два типа дискурса: **лично-ориентированный (персональный) и статусно-ориентированный (институциональный) дискурс.**

В ситуации **лично-ориентированного дискурса** участники общения хорошо знакомы, в процессе их общения устанавливаются искренние, доверительные и открытые отношения. Лично-ориентированный дискурс, называемый также персональным, делится в свою очередь на два вида:

– **бытовой (обиходный) дискурс.** Его специфика состоит в стремлении максимально сжать передаваемую информацию и выйти на особый сокращенный код общения, при котором собеседники понимают друг друга с полуслова, коммуникативная ситуация очевидна, и актуальной становится только разнообразная эмоциональная оценка происходящего.

– **бытийный дискурс,** суть которого заключается в нахождении и переживании существенных смыслов. В таком случае речь идёт не об очевидных вещах, а о художественном и философском постижении мира.

Статусно-ориентированный дискурс представляет собой институциональное общение, то есть речевое взаимодействие представителей социальных групп или институтов друг с другом, с людьми, реализующими свои статусно-ролевые возможности в рамках сложившихся общественных институтов (Карасик, 2004: 193).

Статусно-ориентированный дискурс может носить институциональный и неинституциональный характер, в зависимости от того, какие общественные институты функционируют в обществе в конкретный исторический промежуток времени. Применительно к современному социуму В.И. Карасик

выделяет: политический, религиозный, дипломатический, медицинский, военный, юридический, спортивный, деловой, научный, рекламный, массово-информационный, педагогический и другие виды институционального дискурса.

В своей работе «Языковой круг: личность, концепты, дискурс» В.И. Карасик пишет о том, что в зависимости от того, кто и при каких обстоятельствах принимает участие в общении, «можно выделить столько типов дискурса, сколько выделяется типизируемых личностей и соответствующих обстоятельств, поэтому данный список может дополняться и изменяться» (Карасик, 2004: 193).

Представленные подходы к пониманию дискурса свидетельствуют о довольно широком диапазоне видения функционирования языка в дискурсе (Горохова, 2014). Справедливо замечание о том, что «дискурс многосторонен, и достаточно очевидна ограниченность любых попыток отразить его моделирование, сведя дискурс к одному или двум измерениям» (Алефиренко, 2003).

Исследователи дискурса обращают внимание на его полифункциональность и выделяют следующие основные *функции* дискурса:

- *иллокутивная*, проявляющаяся в процессе структурирования элементов содержания в тексте и ориентированная на внутреннюю структуру речевого акта;

- *перлокутивная*, актуализирующаяся в отношениях между текстом и речевой ситуацией и ориентированная на внешнюю структуру речевого акта;

- *оценочная*, направленная на осознание интенции говорящего и ее оценку;

- *межличностная*, позволяющая устанавливать и поддерживать социальные отношения (на основе этой функции выделяются социальные и профессиональные группы, а индивид отождествляется с определенной группой и в определенном статусе);

– *прагматическая*, характеризующая стремление говорящего ясно выразить цель высказывания и соотнести деятельность людей в контексте реальной ситуации (Горохова, 2014: 92).

Наряду с этим к категориальным признакам дискурса относят его способность:

а) являться знакообразующей базой в силу своей многоплановой структуры, на разных уровнях которой осуществляется когнитивная обработка информации, поступающей от всех участников коммуникативно-прагматической ситуации;

б) представлять семантическое единство, обусловленное целостностью событийного восприятия коммуникативно-прагматической ситуации;

в) представлять сочетание социального и интроспективного, проявляющегося в отражении социально значимых проявлений внутреннего мира человека;

г) обладать смыслогенерирующей и миропорождающей способностью, проявляющейся в процессе лингвокреативного осмысления событийного содержания, в результате чего и происходит «погружение в жизнь». Таким образом, «для дискурса характерны динамизм, ситуативность и экстралингвистическая направленность» (Карасик, 2013: 38).

Многие ученые рассматривают дискурс как сложное коммуникативное событие, особую форму существования языка, в котором выражается (отражается) ментальность конкретного этноса «как совокупность знаний в той или иной области общечеловеческой культуры, фиксируемую знаковыми системами» (Касевич, 1996: 73). Под областями общечеловеческой культуры понимаются все сферы человеческой деятельности, в частности, и те, основной функцией которых является выработка, теоретическая систематизация и практическое использование объективных знаний о действительности, лежащих в основе картины мира народа.

Понимание дискурса как коммуникативного события не ограничивается исключительно сферой устной речи. Дискурсивная деятельность распространяется и на письменный текст, представляющий речевое произведение автора текста и его продуцента. Так, например, создаваемый ученым невербальный текст реально воспринимается специалистом и попадает в его текущее сознание, что позволяет трактовать текст как дискурс (Дейк, 1989: 121-122). Данная трактовка дискурса интерпретирует дискурс как «особое использование языка», предполагает существование дискурса в текстах, признает наличие «своего», особого дискурса конкретной социальной и профессиональной группы, «возможный альтернативный мир», актуализирует особую лексику и грамматику в различных типах дискурса. Такое понимание дискурса позволяет с помощью лингвистического анализа воссоздать не только лексические, грамматико-синтаксические особенности языковой личности специалиста, но и ее мировидение, один из важных элементов языковой картины мира индивида – языковой картины мира представителя определенной профессии.

В современной коммуникативной лингвистике дискурс прочно занял положение одного из базисных, основополагающих понятий, но все-же допускает множество научных интерпретаций. Однако, несмотря на наличие большого числа трактовок термина «дискурс», все они не вступают в противоречия, а дополняют друг друга, тем самым раскрывая данное понятие и расширяя его традиционное содержание. Вместе с тем необходимо отметить, что с учетом междисциплинарного характера дискурса множество его трактовок в разных областях науки обеспечивают ему особое место как пограничному объекту исследования (Осипов, 2011).

Полагаем, в данной работе целесообразно в качестве базисного опираться на определение понятия «дискурс», данное Н.Ф. Алефиренко, согласно которому дискурс – это сложное коммуникативно-когнитивное явление, в состав которого входит не только сам текст, но и различные экстралингвистические факторы (знание мира, мнения, ценностные

установки), играющие важную роль для понимания и восприятия информации. Элементами дискурса служат излагаемые события, участники этих событий, перформативная информация и «не-события», т. е. обстоятельства, сопровождающие события, фон, оценка участников события и т. п. (Алефиренко, Электронный ресурс).

1.2. Специфика и функции медийного дискурса

Понимание дискурса как высказываний, связанных друг с другом тематически и находящихся во взаимосвязи с внешними факторами, открыло новые возможности для изучения отдельных типов дискурса, в том числе медийного дискурса, который получил большое распространение в эпоху стремительного развития средств коммуникации.

Деятельность в СМИ относится к дискурсивной, так как «СМИ – это средства разъяснения и передачи особым образом обработанной, препарированной и представленной информации особому – массовому адресату с целью воздействия на него» (Казак, 2012: 22). Это подразумевает, что медийный дискурс отражает определенные структуры знания и оценки мира, ориентирующие адресата на определенное осмысление действительности, и, главное, на последующие действия (Там же : 22-23).

Для обозначения дискурса средств массовой информации в научной литературе используются такие понятия, как массово-информационный дискурс, журналистский дискурс, медиадискурс, медийный дискурс, газетный дискурс, публицистический дискурс, газетно-публицистический дискурс.

Так как дефиниция медийного дискурса опирается на определение понятия «дискурс», необходимо рассмотреть соотношение этих дефиниций в

рамках разных подходов: структурного, функционального и тематического (Добросклонская, 2014: 181).

При определении дискурса в рамках структурного подхода акцент делается на его структурных составляющих; дискурс понимается как продукт речевой деятельности, взятый в совокупности всех вербальных и экстралингвистических характеристик, связанных с его порождением, распространением и восприятием. По мнению Т.Г. Добросклонской, важнейшей экстралингвистической составляющей дискурса является контекст, который сам по себе объёмен и включает такие аспекты, как исторический, временной, социальный, политический, культурно–идеологический (Добросклонская, 2014: 181).

Структурный подход позволяет также проследить различия дефиниций терминов «текст», «медиа́текст» и «дискурс». Рассматривая взаимодействие между этими понятиями, Т.Г. Добросклонская трактует текст как сообщение, медиа́текст как сообщение плюс канал, а дискурс как сообщение в совокупности со всеми прочими элементами коммуникации. Прибегая к метафоре, можно также сказать, что текст – это фотографическое отображение действительности, медиа́текст – это видеоизображение или «moving image», а дискурс – это изображение голографическое, дающее полное и всестороннее представление об объекте, в данном случае о речевой деятельности (Там же).

С точки зрения функционального подхода медиадискурс представляет собой не что иное, как совокупность текстов, функционирующих в сфере массовой коммуникации.

Не менее важным вышеупомянутый автор считает и тематический подход, который позволяет сгруппировать письменные и устные тексты как продукты речевой деятельности вокруг определённых социально-значимых тем (Добросклонская, 2014: 182).

Разделяем точку зрения Т.Г. Добросклонской о том, что концепция медийного дискурса основывается на всех трёх подходах. Она позволяет

получить всестороннее представление о речевой деятельности в массмедиа, поскольку охватывает не только вербальное сообщение плюс медиаканал, но и многие экстралингвистические факторы, к которым можно отнести особенности создания медиасообщения, реципиента, способы кодирования и декодирования информации, социально-исторический и идеологический фон. В понимании Т.Г. Добросклонской медийный дискурс – это «функционально–обусловленный тип дискурса, который понимается как совокупность речевых практик и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия» (Добросклонская, 2014: 182).

В работе «Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования» Е.А. Кожемякин выделяет два подхода к определению медийного дискурса. Согласно первому, «медиадискурс – это особый тип речемышлительной деятельности, характерный исключительно для информационного поля массмедиа» (Кожемякин, 2010: 14). Опираясь на это определение, следует различать медиадискурс и другие самостоятельные типы дискурса, например, политический, религиозный, научный и другие. Общим для них признаком является отнесенность к одному тематическому полю, а дифференциальными признаками – модификации тех или иных параметров дискурса (различные языковые практики и коммуникативные ситуации).

Согласно второму подходу, медийный дискурс мыслится как любой вид дискурса, продуцируемый и реализуемый в СМИ. В этом случае можно вести речь о политическом, религиозном, педагогическом и прочих медиадискурсах с учетом того, что указанные типы институционального дискурса предполагают наличие относительно устойчивого набора способов создания, передачи и интерпретации массовой информации (Там же).

Сложность дефиниции медийного дискурса определяется тем, что он интегрирует в массмедийном пространстве совокупность коммуникативных систем и дискурсов (Солганик, 2009).

Вслед за Т.Г. Добросклонской, мы склонны придерживаться определения, согласно которому медиадискурс – совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия.

Медийный дискурс относится к институциональному дискурсу, поскольку данный тип коммуникации используется в официальных инстанциях (в издательствах, теле- и радиокомпаниях). В качестве основных характеристик медийного дискурса Л.В. Васильева рассматривает видовое разнообразие, тематическую неограниченность, культурно-специфические признаки, обусловленность социокультурным и идеологическим контекстом.

Медийный дискурс имеет вид «иерархически организованного многоступенчатого комплекса текстов, в котором тексты меньшего структурно-содержательного объёма входят в более крупные текстовые целые (тексты прессы, радио, телевидения, Интернета). Разновидности медиадискурса сохраняют общие системные черты, а также обнаруживают специфические инвариантные текстообразующие признаки разновидностей дискурса» (Васильева, 2005). В качестве общих черт медийного дискурса автор реферируемого исследования называет агональность (способность оказывать влияние на сознание и поведение носителей языка), оценочность и эмоциональность, диалогичность, инсценированность (Там же).

Г.В. Бобровская рассматривает информирование и воздействие как базовую целеустановку текстов СМИ и подчеркивает информационно-интерпретационный характер основной стратегии массмедийного пространства. В книге «Когнитивно-элокутивный потенциал газетного дискурса» автор выделяет следующие **интенции и коммуникативные тактики медийного дискурса**: информирование (сообщение новых сведений), комментирование (дать пояснение), разъяснение (объяснение, создание доходчивого материала), обвинение, иллюстрирование (показ на примере, наглядное пояснение), самопрезентация (характеристика себя), оценивание (выражение субъективного отношения), оспаривание (выражения

несогласия), критика (указание недостатков), аргументирование, акцентирование внимания (выделение главного), солидаризация, дискредитация (подрыв доверия или авторитета), призыв (побуждение к чему-либо), обещание (внушение надежды), дистанцирование (подчеркивание непричастности) (Казак, 2012: 24-25).

Согласно мнению Н.Ф. Алефиренко, медийный дискурс представляет собой:

а) коммуникативное событие (сплав языковой формы, знаний и коммуникативно-прагматической ситуации);

б) своеобразное ценностно-смысловое единство, лингвокультурное образование;

в) социальную деятельность, в рамках которой ведущую роль играют когнитивные образования, фокусирующие в себе различные аспекты внутреннего мира языковой личности (в отличие от речевых актов и текста в его традиционном толковании) (Алефиренко, 2003).

Представляется важным к названным определениям медийного дискурса добавить дефиницию, данную Н.Д. Арутюновой, рассматривающей дискурс как «речь, погруженную в жизнь» <...>, которая преломляя и интерпретируя поступающую в языковое сознание информацию, становится своеобразным смыслогенерирующим и миропорождающим «устройством» (Арутюнова, 1990: 132). Данные характеристики медийного дискурса позволяют рассматривать его как эпицентр коммуникативно-прагматического пространства СМИ. Медийный дискурс представляет собой продукт речемыслительной деятельности со сложной структурой, который формируется под влиянием многих факторов (когнитивных, социокультурных, идеологических, лингвистических).

1.3. Прагматический потенциал языковых средств медийного

Сегодня, в начале XXI в., мы являемся свидетелями невиданной информационной мощи, достигнутой человечеством благодаря стремительному развитию информационных технологий. Новые электронные (цифровые) технологии играют жизненно важную роль во всех областях человеческой деятельности, а информационные ресурсы общества становятся в настоящее время определяющим фактором его развития как в научно-техническом, так и в социальном плане (Буряковская, 2014: 14-18). Одним из стимулов исследования языка средств массовой информации служит предположение о том, что телевидение, газеты, журналы и другие средства коммуникации, которые находятся в широком доступе, играют важную роль в возрастающем влиянии медиа на общество и его культуру (Полякова, 2014: 310).

В современном мире массовая коммуникация стала неотъемлемой частью жизни человека, который, скорее всего, и не мыслит себя за её рамками. Дж. Фиске указывает на следующие потребности человека, которые удовлетворяются с помощью массмедиа:

1. Потребность в понимании социального мира;
2. Потребность действовать разумно и успешно в этом мире;
3. Потребность в уходе в фантазию от ежедневных проблем и напряжения (Цит. по: Буряковская, 2014: 73).

Д. Маккуэйл обобщил классификации функций коммуникации, выдвинутые его предшественниками, и сформулировал их таким образом:

– *информировать* (обеспечивать информацией о событиях в обществе и мире; сигнализировать об отношениях с властью; облегчать обновление, адаптацию и прогресс);

– *коррелировать* (объяснять, интерпретировать и комментировать смысл событий и информации; обеспечивать поддержку существующей власти и норм; социализировать; координировать разные формы

деятельности; добиваться консенсуса; устанавливать приоритетность и сигнализировать об относительном статусе);

– *обеспечивать преемственность* (отражать господствующую культуру и признавать субкультуры и новые культурные веяния; формировать и поддерживать общность ценностей);

– *развлекать* (обеспечивать развлечение, отвлечение, расслабление; снижать напряженность в обществе);

– *мобилизовать* (в общественных целях проводить кампании, касающиеся политики, войны, экономического развития, занятости, религии) (Буряковская, 2014: 19).

Человеческое восприятие постоянно испытывает влияние современных средств массовой информации во всех сферах жизни. Постепенно СМИ, будучи инструментом отображения действительности, превращаются в инструмент создания реальности, а именно, «пространства, в котором социальный мир описывается и предписывается СМИ» (Там же : 20).

Особую значимость в связи с этим приобретает вопрос регулирования общественного мнения посредством СМИ. Если считать, что использование информации напрямую связано с проблемой управления, то средства информации, рассчитанной на массовое потребление, можно рассматривать как особую социально-информационную систему, выполняющую функции *ориентации* (Там же). В таком случае можно предположить, что в условиях современного общества, охваченного информационным пространством, «ключевым дискурсом, реализующим движение социальной мысли и формирующим концептуальную картину мира человека, становится дискурс массмедиа» (Буряковская, 2014: 24).

Медиадискурс, так же, как и отдельный речевой акт или текст, предполагает передачу информации узкой группой лиц и восприятие ее большей частью культурного сообщества, общающегося на данном языке (Навицкайтэ, 2012: 14-19). Язык СМИ является самостоятельной, полноценной моделью общенационального языка (Михалева, 2014).

Стратегия современных СМИ реализуется таким образом, чтобы удовлетворить разнообразные интересы реципиента, сделать медиасообщения неотъемлемой частью его повседневной жизни с учетом ритма жизни среднестатистического потребителя информации. По мнению многих ученых, медиатексты оказывают огромное влияние на формирование в обществе системы взглядов на мир, представленной определенной совокупностью ценностей (Комаров, 2014: 123-127).

На основе анализа работ Т.А. Присяжнюк, Р.З. Назаровой и Е.И. Шейгал представляется целесообразным выделить следующие функции медийного дискурса: регулятивную, эмоционально-эстетическую, оценочную, манипулятивную, коммуникативную, ценностно-ориентирующую, оперативную, мобилизационную, инновационную, образовательную. В качестве важных называются также функции критики, контроля, модераторства, социализации, формирования общественного мнения, артикуляции и интеграции (Присяжнюк, 2012; Шейгал, 2000: 35-36).

А.В. Полонский считает, что основными дискурсивными практиками, то есть распознаваемыми речемыслительными типами деятельности, реализующими цели медийного дискурса, являются:

- распространение и обеспечение доступности информации для широкой аудитории;
- тиражирование информации, ее повторяемость;
- репликация (воспроизведение того же информационно-идеологического содержания в другой форме);
- ротация (регулярно-периодическое обновление информации);
- перекодирование (воспроизведение того же информационно-идеологического содержания в другой знаковой (кодовой) системе – вербальной, аудиальной, визуальной, синтетической);
- реферирование как прием аналитического свертывания;
- развертывание (логико-смысловое, образно-метафорическое и др.)

- аппроксимация (приближенное представление, изложение сложного смысла в доступной аудитории форме);
- информационно-идеологическое сопровождение;
- регулярная актуализация информации, ее оптимизация (корректировка содержания и формы с целью повышения эффективности) (Полонский, 2008: 44–49).

Сегодня СМИ не просто интерпретируют текущую действительность, факты и явления культуры, политики, экономики, но и конструируют их ценностную характеристику в сознании реципиента. Как отмечает И.В. Ерофеева, «деятельность средств массовой информации аксиологична, она направлена на распространение системы взглядов на мир, структурированных согласно определенной совокупности ценностей» (Комаров, 2014: 122-127). В той или иной форме, в той или иной степени современные СМИ пытаются контролировать сознание широкой аудитории, регулировать ее социальное поведение. Эффективность воздействия на аудиторию в значительной степени определяется использованием различных средств речевого воздействия, прежде всего, эмоционально-оценочных и экспрессивных метафор, сравнений, эпитетов и других вербальных форм механизмов субъективной интерпретации действительности (Навицкайтэ, 2012: 16-18).

Тексты массовой информации являются одной из самых распространённых форм существования современного языка, а их совокупная протяженность намного превышает общий объём речи в прочих сферах человеческой деятельности (Добросклонская, 2008: 5). Медиадискурс – разновидность письменного дискурса, характерной особенностью которого является то, что его реципиентом оказывается не узкий круг специалистов, а огромная по количеству, возрастным, национальным, конфессиональным, политическим и многим другим характеристикам аудитория, все носители языка (Михалева, 2014: 73). Отправителя информации тоже далеко не всегда олицетворяет один человек: это может быть заказчик материала, иначе

говоря, инициатор текста, авторский коллектив и даже целая редакция. К тому же, стороны не вступают в непосредственный контакт. Результатом коммуникативной деятельности автора является текст статьи, а от читателя непосредственная реакция вообще не ожидается. Это явление Е. С. Кубрякова называет неконтактным дискурсом (Кубрякова, 2000: 23).

Язык газеты, наряду с языком радио, телевидения, интернет-пространства, признается конкретным видом и частью языка СМИ (языка массмедиа). К началу XXI века в российской науке сложилась концепция языка СМИ как междисциплинарного научного направления, а сам термин прочно вошел в научный обиход.

В различных исследованиях наблюдается разнообразие дефиниций языка СМИ. В зависимости от того, какие стороны этого лингвистического явления важны для избранного авторами подхода, язык СМИ определяют как:

– особый язык, который аккумулирует языковую, социальную и культурно-историческую память конкретных языков, используется для производства текстов массовой коммуникации, приобретающих межнациональный характер (Дерягина, 2014: 82-83);

– особый язык информационного воздействия для создания соответствующей картины мира в общественном сознании (Волковицкая, 2017: 20-21);

– модель национального языка, которая формирует литературные нормы, языковые вкусы, оказывает влияние на восприятие политики, идеологии, искусства, литературы (Солганик, 2009: 143-145);

– полигон для испытания новых речевых средств (Бобровская, 2011: 32).

Язык газеты признается базовым компонентом языка СМИ. Газета занимает особое место в общем комплексе средств массовой коммуникации: она является старейшей в ²⁹ системе СМИ, характеризуется повседневной доступностью, тематической многоплановостью отдельного номера, удобной

формой. Основные стилистические средства и приемы складывались именно в газете и затем переносились на другие форматы и каналы массовой коммуникации. Поэтому вполне закономерно признание того, что «язык газеты составляет основу речевого стиля массовой коммуникации» (Васильева, 1982: 34), является базовым компонентом средств массовой информации. Многие из того, что резко обозначилось в современной речевой практике массмедиа, заложено в самой природе массовой газеты. Существенно и то, что печатное слово «не сдает свои позиции в общественной речевой коммуникации» (Бельчиков, 1996: 336), а корпус газетных текстов заметно превосходит совокупный текстовый массив всех других СМИ.

Язык газеты одновременно и консервативен, и подвижен. Одной из лексических особенностей газетно-политического стиля является использование большого количества клише, штампов, общественно-политических и иных терминов. Этот шаблон необходим для того, чтобы газета могла выполнять свою культурную функцию. Структурная и смысловая устойчивость штампов способствует экономии времени и упрощает восприятие читателем информации. В то же время для убеждения читателей необходимы новые языковые средства, например, слова, обладающие ярко выраженной эмоционально-экспрессивной окраской, а также разговорные, просторечные и даже жаргонные элементы и слова, относимые к высокой, книжной лексике. По мнению К.И. Михалевой, характерными для языка СМИ являются такие лексико-фразеологические единицы и словосочетания, которые объединяют в себе функциональную и экспрессивно-оценочную окраски (Михалева, 2014: 73). Многие слова приобретают газетно-публицистическую окраску в случае их употребления в переносном значении. В языке газет широко используются также эмоционально и экспрессивно окрашенные синтаксические конструкции, такие как риторические вопросы, повторы, инверсии, восклицательные и

вопросительные предложения (Кузнецова, 2010: 62), которые несут прагматическую нагрузку.

Сама прагматическая нагрузка может быть разнообразной и зависеть от целеустановки заказчика или автора медийного текста и заключаться в выражении убедительности, аргументированности, одобрения, неодобрения, осуждения, критики, сарказма, наглядности сообщаемой информации.

1.4. Освещение лингвистического и лингвокультурологического аспектов миграции в СМИ и научных трудах

Глобальная миграция – один из главных вызовов, стоящих сегодня перед журналистским сообществом. Стремительный и массовый характер перемещений, а также развитие медиатехнологий приводит к тому, что каждый медийный текст оказывается репликой в процессе глобальной межнациональной коммуникации. При этом наблюдается возрастание значения новостных текстов в общем потоке массовой информации (Базина, 2015: 28). Обладая всеми признаками базового текста, новости фактически формируют содержание и структуру современного информационного пространства.

Анализ освящения проблем миграции в массмедиа показал, что первые научные разработки этой темы появились в США. В 1939г. Дж. Симпсон первым издал анализ репрезентации проблем миграции афроамериканских граждан в СМИ (Simpson, 1939). Долгое время исследованием этой темы не занимались, вновь изучение сообщений о миграции в СМИ стало популярно только в 1980–90-х гг. (Martindale, 1985).

Первые исследования процесса миграции в Европе в основном касались иммигрантов в статусе гастарбайтеров. В этих трудах освещение миграционных процессов осуществлялась с позиции анализа содержательной

стороны дискурса. В этих работах анализировалась частотность упоминания мигрантов в массмедиа и давалось описание различных групп мигрантов (Хохлова 2016: 46).

Лингвистическая сторона репрезентации в СМИ процессов миграции стала предметом научных исследований несколько позже (Хохлова 2016: 47). В России лингвистические аспекты репрезентации мигрантов неоднократно затрагивались в докладах информационно-аналитического центра «Сова», занимающегося исследованиями расизма и ксенофобии в России. Основатель центра Г.В. Кожевникова на протяжении многих лет ведет работу по мониторингу «языка вражды» в российских СМИ. Под этим термином сотрудники центра понимают любые некорректные высказывания в адрес этнических и конфессиональных групп мигрантов или их представителей. Эти высказывания варьируют в диапазоне от жестких (открытых призывов к насилию или дискриминации) до более мягких, которые, по мнению сотрудников центра, можно отнести к результатам «журналистской невнимательности».

Проанализированные исследования позволяют сделать вывод о том, что тема миграции в СМИ привлекает внимание ученых различных стран уже длительное время и, с одной стороны, достаточно хорошо изучена, а с другой стороны, представляет собой поле для новых исследований, подходов и взглядов.

Рассмотрим освящение проблемы миграции в СМИ в Германии, начиная с 2013 года. Военные конфликты, терроризм, финансовый и политический кризис конца XX–XXI веков стали основными причинами массового потока беженцев в Европу. В настоящее время вопрос миграции в Европе является актуальным и дискуссионным. По количеству мигрантов Германия является страной, лидирующей в Евросоюзе (Мальцева, 2016: 39). По официальным данным Федерального ведомства по делам миграции и беженцев (BAMF) в течение 2015 года на территорию Германии прибыло более 1 миллиона беженцев. Главной темой новогоднего обращения канцлера

Германии Ангелы Меркель (2016) к гражданам ФРГ был вопрос позиции Германии в отношении потока беженцев из Сирии и африканских стран (Там же).

Слово "Flüchtlinge" («беженцы») стало словом 2015 года. По мнению «Общества немецкого языка» ("die Gesellschaft für deutsche Sprache"), это слово отражало политическую, экономическую и общественную жизнь немецкого общества в 2015 году. Признание слова "Flüchtlinge" словом 2015 года подчеркивает актуальность настоящего исследования, проведение которого вызвано необходимостью изучения репрезентации процесса миграции с точки зрения лингвистики (Мальцева, 2016: 39-40).

Анализ печатных средств массовой информации и их электронных версий в сети Интернет дает основание говорить о том, что миграционные процессы в 2015 и 2016 гг. были в ФРГ проблемой номер один. Эта тема остается не менее актуальной и в наши дни, поэтому предоставляет ученым, в том числе и лингвистам, широкое пространство для исследований. Если историков, социологов, культурологов, психологов и политиков интересуют прежде всего исторические, социологические, культурологические и психологические аспекты миграции как общественного явления, то перед лингвистами стоит задача изучения отражения данных проблем средствами языка в СМИ. В частности, проблема вербализации тематической группы «Миграция» в немецких СМИ исследована недостаточно полно. Полагаем, целесообразно дать краткий обзор основных работ наших современников, рассматривающих процессы миграции с лингвистической точки зрения, так как эти работы в определенной мере послужили основой для настоящего исследования.

Исследованию вербализации процесса миграции и его участников, в том числе и на материале немецкого языка, посвящены несколько статей и диссертационных исследований отечественных лингвистов. Рассмотрим их подробнее.

В статье «Чужие» в метафорических репрезентатах беженцев» (2017) О.И. Иванова анализирует и описывает самые распространенные метафоры, используемые в немецких медиа для отражения процесса миграции в Германии в период с 2015 по 2017 г.г. Автор статьи делает заключение о том, что появление нового метафорического концепта «Беженцы-ресурс» может привести к замене негативного фрейма «чужой – плохой, опасный» на положительный фрейм «чужой – новый, полезный» (Иванова, 2017: 103-106).

Изучением концепта «Беженец» в немецких СМИ занималась Ю.А. Мальцева, описавшая в статье «Концепт Беженец в немецких медиатекстах» (2016) роль СМИ в формировании общественного мнения по проблеме миграционных процессов в Германии и рассмотревшая использование синонимической лексики для выражения концепта «беженец» в немецких медиа (Мальцева, 2016: 39-42).

Н.В. Христианова в статье «Лексическая объективация концепта "Flüchtling" в германских печатных СМИ» (2017) излагает результаты исследования особенностей менталитета немцев, описывая средства объективации актуального концепта немецкой лингвокультуры: концепта "Flüchtling" (беженец). Автор проанализировала 150 контекстов функционирования концепта в электронном немецком периодическом издании "Die Zeit" за 2015–2017 годы, частотность употребления ключевого слова концепта "Flüchtling" и его синонимов, а также выделила на основе результатов анализа контекстов функционирования данного концепта некоторые концептуальные признаки, определяющие особенности немецкой лингвокультуры (Христианова, 2017).

В работе Т.А. Иванченко «Когнитивно-дискурсивный анализ лексико-семантического поля, вербализующего концепт "Migrant" в современном немецком языке» (2017) излагаются результаты исследования семантического содержания и типичных синтагматических связей единиц лексико-семантического микрополя "Migrant" в немецких медиатекстах (Иванченко, 2017).

Изучению дискурсивных аспектов проблем миграционного регулирования посвящена статья А.Л. Бардина «Политизация дискурса по проблемам миграционного регулирования в Европейской Союзе» (2017), в которой автор акцентирует внимание на изменении общеевропейского политического дискурса после начала миграционного кризиса. При анализе политического дискурса автор установил, что широко распространенные в европейском политическом дискурсе попытки заменить (или подменить) проблему интеграции инокультурных мигрантов из стран Ближнего Востока и Африки проблемой приема беженцев, а миграционный кризис переименовать в «кризис беженцев» эффективны лишь отчасти и в целом не способствуют преодолению политической поляризации. Автор прогнозирует следующие тенденции в миграционном регулировании стран ЕС:

1) усиление внимания к проблемам безопасности, ограничение инокультурной иммиграции путем контроля над границами;

2) более активное участие структур гражданского общества, наднациональных и государственных институтов в адаптации и интеграции инокультурных мигрантов;

3) переосмысление европейской миграционной политики, расширение круга прицельных, с учетом местной (города, региона) специфики, мероприятий по языковой и культурной интеграции мигрантов (Бардин, 2017).

Очевиден тот факт, что в вышеназванной работе доминирует не лингвистический подход, а культурологический и политический, более характерные для дискурсивных исследований.

Особого внимания заслуживает магистерская диссертация М.А. Новиковой «Тема миграции в современных отечественных и зарубежных региональных медиа-ресурсах» (2017), в которой автор освещает особенности репрезентации темы миграции, выявляет и сопоставляет способы репрезентации заявленной темы, выстраивает лексико-

семантическое поле и тематический ряд лексических единиц по теме исследования (Новикова, 2017).

В диссертационном исследовании И.В. Хохловой «Лексико-семантические и прагматические особенности немецкого медийного дискурса (предметная сфера «Иммиграция»)» (2016) подробно рассматривается понятие медийного дискурса в лингвистике, выявляются и описываются особенности лексической репрезентации предметной сферы «Иммиграция» в медийном дискурсе и ее прагмасемантические характеристики. Большое внимание исследователь уделяет анализу выразительных средств языка, широко применяемых в качестве лексических единиц вербализации указанной предметной сферы (Хохлова, 2016).

С учетом вышеизложенного, представляется обоснованным рассмотреть в настоящем исследовании специфику лингвистической репрезентации тематической сферы «Миграция» и описать особенности отражения этой тематической сферы в сознании немецкоязычного сообщества посредством анализа ее лексических репрезентантов в электронных версиях современных печатных СМИ. Лингвистический анализ проводится на материале солидных изданий Германии: газеты "Die Zeit" с ее версией в интернете "Zeit online", журнала "Spiegel" с его версией в интернете "Spiegel online Politik", а также газеты "Die Welt" и сайта телерадиовещательной компании "Deutsche Welle" на немецком языке.

Выводы по главе I

Представленный в настоящей главе анализ специфики медийного дискурса и его освящения в научном пространстве позволяет сделать следующие выводы, необходимые для дальнейшего исследования

лексической репрезентации тематической сферы «Миграция» в немецком медиадискурсе:

1. Термин «дискурс» широко используется в ряде наук (литературоведении, философии, культурологии, истории, социологии, психологии) и, соответственно, может трактоваться по-разному в зависимости от избранного подхода к изучению этого лингвистического феномена, что и объясняет многозначность этого термина. В качестве базисного определения для дальнейшего исследования мы избрали определение Н.Ф. Алефиренко, который рассматривает дискурс как сложное коммуникативно-когнитивное явление, в состав которого входит не только сам текст, но и различные экстралингвистические факторы (знание мира, мнения, ценностные установки), играющие важную роль для понимания и восприятия информации. Элементами дискурса служат излагаемые события, участники этих событий, перформативная информация и «не-события», т. е. обстоятельства, сопровождающие события, фон, оценка участников события и т. п.

2. Одним из многочисленных видов дискурса является дискурс массмедиа, обозначаемый также как массово-информационный дискурс, журналистский дискурс, медиадискурс, медийный дискурс, газетный дискурс, публицистический дискурс, газетно-публицистический дискурс. Медийный дискурс представляет собой продукт речемыслительной деятельности со сложной структурой, который формируется под влиянием многих факторов (когнитивных, социокультурных, идеологических, лингвистических).

3. Доступность телевидения, газет, журналов и других средств массовой информации широким слоям населения играет важную роль в возрастающем влиянии медиа на общество и его культуру. Язык газеты, наряду с языком радио, телевидения, интернет-пространства, признается конкретным видом и частью языка СМИ (языка массмедиа). Этот факт обуславливает высокую значимость изучения современных функций, целей и

лексических особенностей печатных СМИ, а также их прагматической значимости.

4. Анализ теоретических трудов отечественных и зарубежных исследователей показал, что изучение лингвистической стороны репрезентации миграционных процессов в СМИ началось недавно и пока еще не нашло должного отражения в трудах отечественных и зарубежных исследователей. В связи с массовым притоком беженцев в Европу вследствие военных конфликтов, терроризма, финансового и политического кризиса, вопрос миграции в Европе является актуальным и дискуссионным. В рейтинге стран, принявших беженцев, начиная с 2015 года, Германия занимает первое место. Однако, несмотря на актуальность этой темы, репрезентация тематической сферы «Миграция» в немецкоязычном медийном дискурсе исследована недостаточно полно, что и послужило отправной точкой для настоящего исследования.

ГЛАВА II. ОСОБЕННОСТИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ТЕМАТИЧЕСКОЙ СФЕРЫ «МИГРАЦИЯ» НА ПРИМЕРЕ ПОНЯТИЙ "FLÜCHTLING" И "MIGRATION" В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

2.1. Синонимическая лексика в репрезентации тематической сферы «Миграция»

Синонимия является свойством всех развитых языков и воплощает выразительные возможности языковой системы. Комплекс проблем, возникающих при обращении к синонимам, издавна привлекал внимание лингвистов. Органичное включение проблемы синонимии в разные парадигмы лингвистического знания определяется тем, что в синонимии своеобразно преломляются основные функции языка – *коммуникативная*, *когнитивная* и *метаязыковая* – «уникальная способность языка быть средством анализа самого себя» (Черняк, 2010: 3). Новая антропоцентрическая парадигма лингвистической науки определила и новые ракурсы изучения синонимов в конце XX в.: они стали рассматриваться как активно используемое средство вербализации концептов, как важный инструмент коммуникации и языковой рефлексии (Там же).

Достижения в области современной лингвистики создали фундамент для широкого и разноаспектного изучения синонимических отношений как одного из важных видов системных связей слов. Любое обращение к

проблеме синонимии традиционно упирается в попытки исследователей дать по возможности непротиворечивое определение синонимов, от которого зависит и понимание места синонимов в лексической системе. Однако многогранность явления создает естественные препятствия для однозначных характеристик синонимов, для определения критериев, позволяющих с абсолютной точностью выделять некие «подлинные синонимы».

Синонимия (от греч. *synonymia* – «одноименность») основывается на способности языковой системы иметь несколько означающих для одного означаемого и помогает отражению в языке разнообразных свойств объективного мира с использованием минимума языковых средств. Синонимия проявляется на всех уровнях языка, поэтому различают синонимию фразеологическую, грамматическую, словообразовательную и лексическую. Лексическая синонимия понимается узко как полное, а широко как частичное совпадение значений языковых единиц при сохранении различий в смысловых оттенках и стилистической окраске.

Синонимами (греч. *synonymos* – одноименной) называются слова, полностью или частично совпадающие по значению и различающиеся некоторыми смысловыми оттенками, сферой употребления, экспрессивно-эмоциональной окраской, сочетаемостью, контекстом (Шмелев, 1977: 18).

В соответствии с традиционной классификацией синонимов, предложенной российским ученым В.В. Виноградовым, разграничивают абсолютные (полные) и неполные синонимы (Ольшанский, 2005: 55).

Абсолютные (полные) синонимы по определению не должны отличаться друг от друга ни смысловыми, ни экспрессивными оттенками. Такие синонимы в немецком языке встречаются достаточно редко, поскольку такие дублеты не обнаруживают никаких семантических различий (*Beifall/ Applaus, beginnen/ anfangen, obgleich/ obschon, Sprachwissenschaft/ Linguistik*).

Неполные синонимы традиционно подразделяются на идеографические и стилистические синонимы. Идеографические синонимы

служат для детализации, уточнения и конкретизации высказывания. (Die Arbeiter beziehen den Lohn, die Angestellten / Beamten – das Gehalt, die Künstler – die Gage, Angehörige der freien Berufe (Ärzte, Rechtsanwälte, Schriftsteller) – das Honorar (nicht regelmäßig), die Soldaten – den Sold, die Seeleute, Matrosen – die Heuer) (Ольшанский, 2005: 56).

Стилистические синонимы используются для того, чтобы придать эмоциональную окраску высказыванию. Стилистические синонимы направлены на создание соответствующей желаемой, с точки зрения говорящего, реакции читателя на высказывание (*Gesicht – Antlitz – Angesicht – Physiognomie – Visage – Fassade – Fratze*).

Особую группу синонимов немецкого языка составляют **территориальные (региональные)** дублеты. Например, на севере Германии мальчиков называют *der Junge*, а на юге *der Bub*; девочек на севере называют *das Mädchen*, на юге *das Mädcl*.

Кроме того, в речи, особенно художественной, встречаются слова, которые становятся синонимами лишь в определенных контекстах и речевых ситуациях. Такие синонимы называют индивидуально-авторскими (оказиональными), или **контекстуальными**. Вне данного контекста и речевой ситуации эти слова не вступают в синонимические ряды. Контекстуальные синонимы используются с целью более полного и детального описания того или иного явления, предмета, что связано со стилем конкретного художественного произведения, особенностями языка автора. Приведем примеры: *Goethe – der Dichter / der Dichturfürst / der Autor von "Faust"*.

Среди **причин**, вызывающих появление синонимичных рядов в немецком языке, И.А. Солодилова называет:

– проникновение в язык заимствованных слов, близких или тождественных по значению (*Anschrift – Adresse, Briefumschlag – Kuvert, Fahrkarte – Ticket, Arbeit – Job*);

– влияние словообразования (*das Bild – das Bildnis, der Lauf – das Laufen*);

– влияние диалектов (*Kartoffeln – Erdäpfel*);

– эвфемистические описания (*schwangen sein – guter Hoffnung sein Sterben – einschlafen – einschlummern*) (Ольшанский, 2005: 55-57).

По мнению И.Г. Ольшанского, кроме указанных выше причин появления синонимичных рядов в немецком языке, можно назвать и следующие:

– семантическая деривация (или сдвиг значения), что подразумевает создание новых синонимичных слов с целью выражения новизны, изменения общественных представлений (появившиеся в немецком языке *Raumpflegerin/ Reinigungskraft* вместо *Putzfrau*);

– сокращение слов или изменения в словообразовательных процессах (*Bildnis – Bild, Erträgnis – Ertrag, Lauferei – Gelaufe, Lastkraftwagen – Laster – LKW*);

– необходимость замены терминов и профессионализмов бытовой и разговорной лексикой (*Ökologie – Umweltschutz; Gynäkologe – Frauenarzt*). (Там же: 60).

На основании анализа научной литературы по проблемам синонимии можно сделать заключение, что в речи синонимам свойственны следующие **функции**:

1) Функция замещения, реализуемая в процессе замещения одной лексемы другой, семантически ей адекватной, с целью избегания повтора и для снятия тавтологичности (Черняк, 2010: 62). Подбирая новые слова для обозначения близких понятий, авторы не механически замещают одно слово другим, а учитывают их разнообразные смысловые и экспрессивные оттенки.

2) Функция уточнения, которая заключается в том, что в речи акцентируется та сторона объективно отражаемой действительности, которая представляется наиболее важной говорящему (Там же). Так, например, в процессе создания текста, авторы выбирают из множества семантически

близких слов то, которое наиболее верно передает нужный оттенок смысла. Таким образом, решение в пользу одного из синонимов отражает творческую позицию говорящего, его отношение к объекту номинации.

3) Функция пояснения, которая реализуется при употреблении специальной лексики, иноязычных слов, архаизмов, которые могут быть непонятны читателю. В таких случаях синонимами поясняются узкоспециальные термины в научно-популярной литературе, например: *Pädagoge – Erzieher, Lehrer*.

4) Функция усиления, которая реализуется при использовании такого стилистического средства, как градация. В эмоциональной речи нанизывание синонимов служит усилению обозначаемого признака или явления. *Bestimmt wird es in dieser Situation (im Nahen Osten) Widersprüche, Kollisionen, Konflikte geben* (Ольшанский, 2005: 60);

5) Эмоционально-экспрессивная функция, выражающая положительное или отрицательное отношение автора к обозначаемому предмету, явлению или действию: например, использование слова "*Schnitzer*" вместо "*Fehler*";

6) Эвфемистическая функция, подразумевающая намеренно неточное обозначение реалии, например: *corpulent, vollschlank, mollig, rundlich* вместо *dick* (Там же).

Многие авторы отмечают, что немецкий язык обладает хорошо развитой синонимией. Конечно, в подавляющем большинстве случаев каждое из слов отличается от своего синонима несколько иной характеристикой основного понятия, тем или иным конкретным признаком.

Смысловые оттенки, стилистическая окраска слова, принадлежность слова к определенному функциональному стилю или характерные для него фразеологические связи лежат в основе различий синонимических единиц.

Рассмотрим особенности функционирования синонимов немецкоязычного медийного дискурса, репрезентирующих тематическую сферу «Миграция» на примере вербализации понятий "*Flüchtling*" и "*Migration*".

В процессе исследования нами были выявлены следующие синонимы, репрезентирующие мигрантов в немецком медийном дискурсе: "Flüchtling" и "Geflüchtete" (беженец), "Migrant" (мигрант), "Asylant" (беженец / лицо, пользующееся правом (политического) убежища), "Asylbewerber" и "Asylsuchende" (соискатель статуса беженца), "Einwanderer" (иммигрант), "Vertriebene" (вынужденный переселенец), "Zuzügler" (мигранты, прибывшие, пришельцы).

Для уточнения значения слов данного синонимичного ряда мы обратились к немецкоязычным словарям (pons.com, dwds.de (das digitale Wörterbuch der deutschen Sprache), dudен.de, thefreedictionary.com), выбрав в качестве основной номинации слово "**Flüchtling**" (беженец). Словарь www.duden.de/ предлагает трактовать это слово следующим образом: "Person, die aus politischen, religiösen, wirtschaftlichen oder ethnischen Gründen ihre Heimat eilig verlassen hat oder verlassen musste und dabei ihren Besitz zurückgelassen hat" (человек, в спешке покинувший свою Родину по политическим, религиозным, экономическим или этническим причинам или вынужденный покинуть страну и оставить всё своё имущество) (www.duden.de). Мотивационным признаком, положенным в основу номинации, служит сема "fliehen", подчеркивающая процесс бегства. Причины бегства сама номинация беженцев не называет, поскольку суффикс -ling передает лишь значение носителя действия. Таким образом, слово "Flüchtling" обозначает мигрантов по виду выполняемой деятельности.

В зависимости от контекста это слово может приобретать положительный или негативный оттенок значения, хотя принято считать, что в немецком языке оно относится к пласту общеупотребительной лексики и имеет нейтральную коннотацию. В качестве примеров использования слова "Flüchtling" в немецкоязычном медийном дискурсе приведем следующие предложения из медиатекстов:

Den meisten Flüchtlingen fehlt aber ein Faktor, der für unsere Integration zentral war: die christliche Religion (<http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-138749215.html>).

Ich fürchte, bei den Hunderttausenden muslimischen Flüchtlingen wird die Religion bestenfalls keine Hilfe sein – schlimmstenfalls ein großes Hindernis (<http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-138749215.html>).

Среди синонимических обозначений участников миграционных процессов наиболее частотным в немецкоязычном медийном дискурсе является слово "Flüchtling", которое в ведущих изданиях ФРГ только за последний год, согласно корпусу примеров в журнале "Der Spiegel" и газете "Die Zeit", представлено не менее, чем 2300–2700 раз соответственно.

В качестве абсолютного синонима в медиатекстах немецких СМИ используется слово "*Geflüchtete*", которое также является нейтральным и не содержит коннотативной окраски. Примеры с субстантивированным причастием уступают количественно основной номинации участников миграции, однако, используются в текстах достаточно часто (соответственно более 450 раз в журнале "Der Spiegel" и более 700 раз в газете "Die Zeit" за последний год), что иллюстрируют следующие выдержки из немецкого медийного дискурса:

Ein besonders zynischer Schritt waren fensterlose und angeblich unsinkbare Boote, mit denen Geflüchtete zurück an fremde Ufer geschickt werden sollten. (<http://www.spiegel.de/politik/ausland/internationales-strafrecht-die-banalitaet-der-verbrehen-gegen-migranten-a-1174982.html>)

Und auch die Zahl der Geflüchteten nahm zu: Erstmals in der Geschichte der Neuzeit machten Flüchtlinge laut GPI ein Prozent der Weltbevölkerung aus (<https://www.zeit.de/politik/ausland/2018-06/global-peace-index-weltfriedenslage-krieg-fluechtlinge-verschlechterung>).

Приведенные слова "Flüchtling" и "Geflüchtete" являются абсолютными синонимами и зачастую используются авторами для того, чтобы избежать повтора, например:

Seit fast einem Jahr ist die Balkanroute für Flüchtlinge faktisch geschlossen. Entlang der Strecke leben noch immer Geflüchtete unter schwierigen Bedingungen (<https://www.zeit.de/video/2017-02/5309269514001/balkanroute-so-viele-fluechtlinge-sitzen-in-suedeuropa-fest>).

Близким по семантике в отношении выше названных слов является слово "**Migrant**", используемое в качестве общественно-политического термина в медийном дискурсе (соответственно более 700 раз в журнале "Der Spiegel" и более 800 раз в газете "Die Zeit" за последний год), с целью устранения тавтологии и часто именно при описании положительных событий:

Die deutschen Organisationen Sea-Watch und Sea-Eye bargen dabei nach eigenen Angaben 450 Migranten von drei überladenen Booten. Während der Evakuierung von einem der Boote sei ein Schiff der libyschen Küstenwache aufgetaucht. Mehrere Flüchtlinge sprangen daraufhin aus Angst vor einer erzwungenen Rückkehr nach Libyen über Bord, teilten die Hilfsorganisationen mit (<https://www.zeit.de/politik/ausland/2018-05/1500-fluechtlinge-boote-rettung-mittelmeer-italien>).

Eine neue Generation von Migranten sucht in der Bundesrepublik eine Zukunft: Hochqualifizierte aus Süd- und Osteuropa (<http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-91203388.html>).

Частотность употребления данного слова обусловлена тем, что оно относится к интернационализмам, поскольку восходит к латинскому слову со значением «передвигаться с места на место», «путешествовать».

Синонимичное слово "**Einwanderer**" также употребляется в немецких массмедиа (более 550 раз в журнале "Der Spiegel" и более 400 раз в газете "Die Zeit" за последний год) в основном с положительной коннотацией:

Dass das Land sich mit den Einwanderern ändern muss, um zu bleiben, was es ist: eine der führenden Wirtschaftsnationen der Welt, deren Reichtum vor allem in den Köpfen ihrer Menschen entsteht. Dieser Reichtum würde ohne die neuen Einwanderer schwinden (<http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-91203388.html>).

Zur Wahrheit gehört aber auch, dass fast jeder dritte osteuropäische Einwanderer Akademiker ist (<http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-91203388.html>).

В немецких СМИ часто используются слова "*Asylbewerber*" (более 420 раз в журнале "Der Spiegel" и более 400 раз в газете "Die Zeit" за последний год) и "*Asylsuchende*" (более 100 раз в журнале "Der Spiegel" и более 120 раз в газете "Die Zeit" за последний год). Данные синонимичные обозначения мигрантов могут использоваться как в нейтральном значении (пр. 1), так и с негативной коннотацией (пр. 2) и часто употребляются при описании столкновений, протестов, инцидентов:

1. *Das Sonderprogramm bietet Deutschen sowie Asylbewerbern mit guter Bleibeperspektive die Möglichkeit, einen Bundesfreiwilligendienst zu leisten* (<https://www.zeit.de/politik/deutschland/2018-05/bundesfreiwilligendienst-sonderprogramm-fluechtlinge-frist-auslaufen>);

2. *Kein Sterbenswörtchen davon, dass es sich bei 80 Prozent der Asylbewerber um junge Männer handelt, die wohl auch nicht immer nett zu Frauen und kleinen Kindern sind* (<https://www.compact-online.de/sueueueuess-diese-asylanten/>).

Относительно редко встречается в текстах обозначение мигрантов "*Vertriebene*" (300 раз в журнале "Der Spiegel" и более 350 раз в газете "Die Zeit" за последний год), которое чаще всего используется для описания трудностей, которые приходится преодолевать беженцам, и создания у читателя чувства жалости и сопереживания к ним: *Es gebe bereits 230 000 Vertriebene und gut eine Million hilfebedürftiger Syrer. "Ungeachtet der Zusagen der Regierung hat sich die Lage noch nicht wesentlich verbessert. Das ist nicht akzeptabel", sagte Ban* (<http://www.spiegel.de/politik/ausland/buergerkrieg-in-syrien-usa-und-frankreich-drohen-assad-a-828650.html>).

Мотивационный признак номинации "*Vertriebene*", которая представляет собой субстантивированное причастие с пассивным значением, указывает на состояние как результат процесса, называемого префиксальным

глаголом немецкого языка *vertreiben*, который обозначает действие негативного характера при реализации значения «изгонять кого–либо с какой-то территории».

Еще одним синонимом для описания беженцев является лексема "*Asylant*" (встретилась 5 раз в журнале "Der Spiegel" и более 20 раз в газете "Die Zeit" за последний год), также используемая для описания людей, прибывших в Германию в поисках политического убежища. Анализ статей немецких массмедиа показал, что слово в большинстве случаев употребляется для описания ситуаций, где беженцы представляют собой некую опасность, например:

"Ich habe nichts gegen Asylanten, aber ich habe ein Problem mit dem Islam, wissen Sie?" Ein geradezu prototypischer Satz für den Schlag Mensch, den Ali Can erreichen will (<http://www.dw.com/de/ali-can-der-migrant-und-die-hotline/a-40107073>).

Единичными примерами в немецком медиадискурсе представлены обозначения мигрантов такими словами как: "*Zuzügler*" (2 раза в журнале "Der Spiegel" и более 5 раз в газете "Die Zeit" за последний год) и "*Asylberechtigte*" (19 раз в журнале "Der Spiegel" и более 21 раза в газете "Die Zeit" за последний год):

Ohne sie erlahmt die Konjunktur – Deutschland muss lernen, die Zuzügler zu halten. <http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-91203388.html>

Das Sonderprogramm bietet Deutschen sowie Asylberechtigten und Asylbewerbern mit guter Bleibeperspektive die Möglichkeit, einen Bundesfreiwilligendienst zu leisten (<https://www.zeit.de/politik/deutschland/2018-05/bundesfreiwilligendienst-sonderprogramm-fluechtlinge-frist-auslaufen>).

Лексическая единица "*Zuzügler*" встречается в немецкоязычном медийном дискурсе редко, так как данное слово имеет в лексикографических источниках помету, указывающую на территориальное ограничение его функционирования – слово⁴⁸ характерно для швейцарского варианта

немецкого языка. Его значение является нейтральным и может быть реализовано в нескольких вариантах: мигрант, приехавший, прибывший.

Последний пример четко показывает неполную синонимию лексических единиц "Asylberechtigte" и "Asylbewerber", поскольку оба слова, являясь результатом словосложения, имеют в качестве основного компонента словообразовательной конструкции слова, значения которых различаются основными семантическими признаками: в первом случае признаком "Recht haben (auf Akk.)", а во втором случае – "sich bewerben (um Akk.)". Данные лексемы можно рассматривать как видовые обозначения мигрантов, поскольку речь идет о разных категориях мигрантов. В одном случае обозначаются мигранты, которые действительно имеют все основания для получения статуса политического беженца, а в другом случае – о лицах, которые подали или намерены подать ходатайство о предоставлении им убежища. Семантическими различиями двух анализируемых сложных слов обусловлено и частотность их употребления в медийном дискурсе Германии. Очевидно, что чаще пресса уделяет внимание тем мигрантам, статус которых еще не определен.

Рассмотрим теперь синонимические ряды лексем, репрезентирующих в немецкоязычном медийном дискурсе понятие "Migration". В результате анализа текстов авторитетных немецких СМИ были выявлены следующие синонимы, репрезентирующие процесс миграции: "Migration" (миграция), "Zuwanderung" (иммиграция; приток населения), "Zuzug" (иммиграция, переселение), "Einwanderung" (переселение, иммиграция, въезд в страну).

Для уточнения значения слов данного синонимического ряда мы обратились к немецкоязычным словарям (pons.com, dwds.de (das digitale Wörterbuch der deutschen Sprache), dudен.de, thefreedictionary.com), выбрав в качестве основной номинации слово "**Migration**" (миграция). Словарь www.duden.de/ предлагает трактовать это слово следующим образом: "*(Soziologie) Abwanderung in ein anderes Land, in eine andere Gegend, an einen anderen Ort*" (миграция / переезд в другую страну, в другую местность, в

другое место) (www.duden.de). Среди синонимичных обозначений процесса миграции наиболее частотным в немецкоязычном медийном дискурсе является слово "Migration", которое, согласно статистике, встречается в медийных текстах гораздо чаще, чем другие синонимические обозначения (соответственно более 730 раз в журнале "Der Spiegel" и более 1050 раз в газете "Die Zeit" за последний год). Приведенная лексема является нейтральной, не имеет коннотативной окраски и используется в качестве общественно-политического термина в немецком медийном дискурсе. Ведущая роль слова "Migration", которую подтверждают и приведенные ниже примеры из немецкоязычных медиатекстов, объясняется еще и его принадлежностью к интернационализмам:

"Migration ist die neue Revolution": Italien sieht sich alleingelassen, Ungarn macht zu: Wie hat die Flüchtlingskrise Europa verändert? (заголовок статьи)

(<http://www.spiegel.de/kultur/gesellschaft/fluechtlinge-politikwissenschaftler-im-interview-migration-ist-die-neue-revolution-a-1162957.html>).

Migration ist in unserem Jahrhundert die neue Revolution, nicht ideologisch, sondern von Google Maps geleitet: Wenn du dein Leben ändern willst, ist nicht das Klügste, deine Regierung zu ändern, sondern das Land, in dem du wohnst (<http://www.spiegel.de/kultur/gesellschaft/fluechtlinge-politikwissenschaftler-im-interview-migration-ist-die-neue-revolution-a-1162957.html>)

Zuvor hatte Dobrindt bereits angekündigt, Bundesinnenminister Horst Seehofer (CSU) werde in der kommenden Woche weitere Details seines "Masterplans Migration" vorstellen (<https://www.zeit.de/politik/deutschland/2018-06/alexander-dobrindt-migranten-fdp-gruene-kritik>).

Синонимичное слово "**Zuwanderung**" (иммиграция; приток населения) также довольно часто употребляется в немецких массмедиа (более 320 раз в журнале "Der Spiegel" и более 350 раз в газете "Die Zeit" за последний год)

как в нейтральном значении (пр. 1, 2), так и с негативной коннотацией (пр. 3).

1) *Doch auch Zuwanderung spiele eine Rolle. Vor allem Migranten aus Osteuropa leben auf der Straße, in Großstädten liegt ihr Anteil laut BAGW inzwischen bei rund 50 Prozent* (<https://www.zeit.de/gesellschaft/zeitgeschehen/2018-06/roma-frankfurt-main-raeumung-gutleutviertel-leben-deutschland>).

2) *Die will ich gar nicht kleinreden, aber es hat zur Folge, dass es schwierig ist, mit rationalen Argumenten etwas zu erreichen. Mögliche Vorteile der Zuwanderung werden heute kaum noch thematisiert. Die Politik nimmt diese Stimmungen auf* (<https://www.zeit.de/politik/deutschland/2018-06/philipp-ther-fluechtlinge-integration-interview>).

3) *Durch die Zuwanderung entstehe bei manchen Menschen das Gefühl, in Deutschland nicht mehr zu Hause zu sein* (<https://www.zeit.de/politik/deutschland/2018-06/zuwanderung-joachim-gauck>).

При сравнении 2 анализируемых выше лексем как средства репрезентации процесса миграции в немецкоязычном медийном дискурсе с точки зрения семантических различий с учетом их происхождения (слова интернационализма и слова немецкого происхождения со структурой суффиксального деривата, образованного от осложненной префиксом производящей основы "zuwandern") очевиден тот факт, что значение слова "Migration" шире значения немецкого синонима "Zuwanderung". Это объясняется тем, что одним из семантических признаков, закрепленных в структуре значения немецкого производного слова является признак, привносимый семантикой приставки zu-, которая заключается в указании на направление движения к ч.-л. Этим, как правило, обусловлено применение различных слов в русском языке при переводе слов "Migration" и "Zuwanderung" в медийных текстах. Если понятие миграции, обозначаемое словом "Migration", включает переезд в другую страну, в другую местность, в другое место, что отражает и словарная дефиниция значения репрезентанта

этого понятия, то слово "Zuwanderung", будучи репрезентантом понятия миграции, отражает лишь определенную зону этого широкого понятия, ограниченную семантикой слова, то есть иммиграцию, въезд, приток населения в другую страну.

Еще одним синонимичным обозначением процесса миграции в немецкоязычном медийном дискурсе является лексема "***Immigration***" (встретилась 100 раз в журнале "Der Spiegel" и более 60 раз в газете "Die Zeit" за последний год). Слово-интернационализм со структурой префиксального образования не несет коннотативной окраски, немного сужает объем понятия миграции (так же, как и "Zuwanderung", благодаря дополнительному семантическому признаку, привносимому приставкой латинского происхождения im-) и используется авторами для того, чтобы избежать тавтологии:

"Ohne diese Reformen werden illegale Immigration und Kettenmigration, die den amerikanischen Arbeitern und Steuerzahler eine schwere und unfaire Last auferlegt, ohne Ende weitergehen." (<https://www.zeit.de/politik/ausland/2017-10/weisses-haus-donald-trump-forderungen-einwanderung-daca>).

Viele fürchten, dass die Immigration außer Kontrolle gerät, dass ihre Städte und Dörfer unsicher werden. (<http://www.spiegel.de/politik/ausland/italien-umfrage-zur-regierung-in-rom-gott-sei-uns-gnaedig-a-1209628.html>)

Eine kontrollierte Immigration soll wie folgt funktionieren: "Flüchtlinge, die vor Krieg und Gewalt fliehen, muss man aufnehmen." (<http://www.spiegel.de/politik/ausland/italien-gebuerter-nigerianer-fuer-lega-nord-im-parlament-a-1198073.html>).

В немецких медиатекстах синоним обозначения процесса миграции "***Zuzug***" (иммиграция, переселение) значительно уступает количественно основной номинации этого процесса, так как производное от префиксального глагола существительное является многозначным и реализует в контексте гораздо чаще такой лексико-семантический вариант (ЛСВ) значения, как «приток населения». Сравним несколько примеров из медийных сообщений:

1) *Ab dem 1. August soll 1.000 Menschen pro Monat aus humanitären Gründen der Zuzug ermöglicht werden* (<https://www.zeit.de/politik/deutschland/2018-05/familiennachzug-grosse-koalition-neuregelung>).

2) *Insbesondere der Zuzug von Flüchtlingen habe die aktuelle Diskussion über den Begriff Heimat ausgelöst, sagte Gauck* (<http://www.spiegel.de/politik/deutschland/joachim-gauck-zu-migranten-es-darf-keine-falschen-ruecksichtnahmen-geben-a-1211613.html>).

3) *Mit der Flüchtlingskrise und dem Zuzug Hunderttausender Menschen, teils mit anderen Glaubensrichtungen, hat die Debatte in vielen europäischen Ländern an Bedeutung gewonnen* (<http://www.spiegel.de/politik/ausland/pew-research-center-christen-sind-skeptischer-gegenueber-migranten-a-1209313.html>).

В пр. 1 речь идет о возможности предоставления с первого августа тысяче человек права на переселение в рамках оказания гуманитарной помощи населению кризисных регионов. Использование в контексте в качестве сказуемого сочетания модального глагола с формой инфинитива II служит для выражения страдательного залога, с помощью которого реализуется значение воздействия, что и подтверждает реализацию словом "Zuzug" лексико-семантического варианта значения «иммиграция, переселение», выступающего в качестве синонима слова с широким значением "Migration".

В примерах 2 и 3 определения к слову "Zuzug" в постпозиции, выраженные существительным в родительном падеже (так называемые генитивные определения), являются условием для реализации этим словом-полисемантом другого лексико-семантического варианта значения, а именно варианта «приток населения». Но этот ЛСВ репрезентирует лишь отдельный семантический признак более широкого понятия – процесса миграции, который также может обозначаться словом "Zuzug". Статистические подсчеты показывают, что ЛСВ «приток населения» слово реализует в немецкоязычном медийном дискурсе достаточно часто (соответственно

около 100 раз в журнале "Der Spiegel" и более 130 раз в газете "Die Zeit" за последний год).

Единичными примерами в немецком медиадискурсе представлено обозначение процесса миграции производным словом немецкого происхождения "**Einwanderung**" (иммиграция, переселение), которое употребляется как стилистически нейтральная номинация с целью избежать повтора (пр. 1), а также при описании процесса миграции с положительной стороны (пр. 2–3).

1) *Iwobi spricht sich dennoch für eine Immigration aus. "Ja", sagt Iwobi, "Einwanderung ist nötig. Aber nur kontrollierte, sonst gibt es soziale Spannungen, Hass und Rassismus."* (<http://www.spiegel.de/politik/ausland/italien-gebueertiger-nigerianer-fuer-lega-nord-im-parlament-a-1198073.htm>).

2) *Deutschland ist aber auch auf die Einwanderung qualifizierter Menschen angewiesen, um seinen Wohlstand künftig erhalten zu können* (<http://www.spiegel.de/suche/index.html?uchbegriff=Einwanderung&suchzeitraum=year&fromDate=09.06.2017&pageNumber=9>).

3). *In einem Pilotprojekt will die EU nun zudem prüfen, ob die Programme zur legalen Einwanderung auch "unter privater Förderung" erfolgen könnten* (<http://www.spiegel.de/politik/ausland/fluechtlinge-eu-kommission-will-zehntausende-migranten-legal-einreisen-lassen-a-1170162.html>).

В список синонимов для обозначения процесса миграции мы включили и лексему "**Flucht**" (бегство), которая в анализируемых контекстах выборки примеров из журнала "Der Spiegel" и газеты "Die Zeit" также встречается довольно редко. Чаще всего данное слово употребляется авторами в устойчивых выражениях или словосочетаниях для номинации процесса бегства и статуса «нахождения в бегах» (sich auf der Flucht befinden, auf der Flucht sein). Приведем примеры использования слова в немецких медиатекстах для описания процесса миграции:

In der Hochphase der Flucht aus Syrien, dem Irak und Afghanistan, als 2015 und 2016 Hunderttausende Menschen nach Europa kamen, waren die Mittelmeerländer Italien und Griechenland mit deren Erstaufnahme überfordert (<http://www.spiegel.de/politik/ausland/sebastian-kurz-zum-asyl-sie-bekommen-schutz-aber-nicht-das-bessere-leben-a-1211587.html>).

Italien setzt konsequent auf die Regierung in Tripolis und auf die Milizen, um gegen Migranten vorzugehen und sie an der Flucht über das Mittelmeer zu hindern (<https://www.zeit.de/politik/ausland/2018-06/libyen-wahlen-buergerkrieg-migration-emmanuel-macron>).

Der Historiker Philipp Ther erforscht an der Universität Wien die Veränderungen des modernen Europa. 2017 hat er ein Buch über Ursachen und Folgen von Flucht und Migration geschrieben. In "Die Außenseiter" beschreibt er, wann und unter welchen Umständen Gesellschaften von Flüchtlingen profitieren können und was nötig ist, um Menschen aus anderen Kulturen zu integrieren (<https://www.zeit.de/politik/deutschland/2018-06/philipp-ther-fluechtlinge-integration-interview>).

Будучи производным девербативом, существительное "Flucht" сохраняет в структуре своего значения семантический признак, указывающий на способ действия, вследствие чего это существительное нельзя рассматривать как полный синоним слов, анализ которых представлен в работе ранее. Слово "Flucht" можно рассматривать как видовое обозначение по отношению к другим номинациям процесса миграции, что, на наш взгляд, подтверждает и последний иллюстративный пример, в котором слова "Flucht" und "Migration" используются как однородные члены предложения, что позволяет рассматривать их как неравнозначные, т. е. лишь соположенные, уточняющие друг друга номинации.

В заключение необходимо подчеркнуть, что исследуемый языковой материал подтверждает теоретическое положение о доминанте синонимического ряда лексических единиц. В рассматриваемых нами случаях синонимического обозначения как участников миграции, так и

процесса миграции в качестве ядерных компонентов синонимического ряда каждого из анализируемых случаев выступают нейтральные в стилистическом плане лексические единицы интернационального характера, имеющие достаточно широкое значение в сравнении с другими лексемами синонимического ряда, значение которых включает те или иные конкретизирующие семантические оттенки (часто появляющиеся в семеме благодаря производному характеру синонимичных номинаций процесса миграции).

2.2. Основные модели словообразовательных конструкций в номинации понятий тематической сферы «Миграция»

В словарном составе немецкого языка пласт лексики, репрезентирующей такие основные понятия тематической сферы «Миграция», как процесс миграции и его участники, включает большое количество сложных и производных слов.

Известно, что образование новых слов происходит на базе производящих морфем по словообразовательным моделям с помощью тех или иных словообразовательных средств и представляет собой широкое поле для наблюдений, исследований и обобщений.

Словообразование, заимствование и семантическая деривация являются важнейшими путями обогащения словарного состава языка. Каждый из этих путей развития лексики имеет свои особенности. Рассмотрим подробнее особенности словообразования немецкого языка.

Вопросами словообразования немецкого языка в разное время занимались такие отечественные и зарубежные германисты, как М.Д. Степанова, В.С. Вашунин, Б.А. Абрамов, В.М. Павлов, Е.В. Розен, Ф. Беккер, В. Хенцен, В. Моч, И. Эрбен, В. Фляйшер, И. Барц, Э.Доналиес и

другие. Поэтому существуют различные трактовки понятия «словообразование».

М.Д. Степанова определяет словообразование как «путь развития словаря, при котором ведущую роль играет изменение морфологического состава уже существующих в языке слов и лексических основ» (Степанова, Чернышева 2003: 62).

Похожую дефиницию находим и у И.Г. Ольшанского и А.Е. Гусевой, которые термином «словообразование» обозначают «возникновение новых слов из имеющихся в языке основ слова по определенным правилам в соответствии с установленными в данном языке образцами или моделями» (Ольшанский. Гусева, 2005: 98).

К основным понятиям словообразования как научной дисциплины относятся: средство словообразования, способ словообразования и модель словообразования.

Словообразовательное средство – это конкретная морфема, лексический аффикс, вычлняемый наряду с первичной основой слова (Степанова, Чернышева, 2003: 79). В качестве словообразовательного средства могут выступать различные префиксы и суффиксы, полуаффиксы и частотные компоненты сложных слов, а также внутренняя флексия – историческое чередование звуков (аблаут, умлаут, преломление, чередование согласных).

Способ словообразования – это основной способ возникновения новых слов, модель с обобщенным, абстрагированным от конкретного наполнения, значением, по которой образуются новые слова (Ольшанский, 2005: 98-102). К основным способам словообразования в немецком языке относятся: словосложение/образование сложных слов (*Zusammensetzung/Komposition*), словопроизводство/образование производных слов (*Ableitung/Derivation*), образование сложнопроизводных слов (*Zusammenbildung*), образование сложносокращенных слов (*Kurzwortbildung/Abkürzung*), конверсия/переход в другую часть речи (*Konversion/Wortartwechsel*). Внутри

каждого из этих способов имеются определенные модели, по которым образуются слова.

Словообразовательная модель – это устойчивая структура, которая имеет обобщенное лексико-категориальное значение и может заполняться различным лексическим материалом (то есть различными лексическими основами) (Степанова, Чернышева, 2003: 80).

Вслед за М.Г. Ольшанским, мы будем выделять 6 основных способов немецкого словообразования:

- 1) словосложение, образование сложных слов (*Zusammensetzung*);
- 2) словопроизводство (*Ableitung*);
- 3) образование сложнопроизводных слов (*Zusammenbildung*);
- 4) образование сложносокращенных слов (*Kurzwortbildung/Abkürzung*);
- 5) конверсия / переход в другую часть речи (*Konversion*);
- 6) словотворчество (преимущественно в форме звукоподражания) (*Wortschöpfung*) (Ольшанский, Гусева, 2005:100).

Перечень основных словообразовательных моделей немецкого языка, выделенных отечественным ученым М.Д. Степановой, дан в статье данного автора, опубликованной в изданном под её редакцией «Словаре словообразовательных элементов немецкого языка»:

1. Модель корневых слов.
2. Модель имплицитного словопроизводства.
3. Префиксальная модель.
4. Суффиксальная модель.
5. Префиксально – суффиксальная модель.
6. Модель основ с полупрефиксом.
7. Модель основ с полусуффиксом.
8. Модель определительного словосложения (Зуев, Молчанова, Руфьева, 1979).

Ознакомившись с каждым способом и всеми моделями словообразования, мы в процессе анализа картотеки примеров затронем

лишь теоретические основы тех способов, которые важны для анализа нашего эмпирического материала.

Продуктивность словообразования в современном немецком языке обусловлена подвижностью лексики, необходимостью фиксировать в словаре вновь появляющиеся или осваиваемые человеком явления действительности.

Анализ статей ведущих немецких газет и журналов показал, что применительно к тематической сфере «Миграция» образование новых слов осуществляется посредством двух наиболее продуктивных способов морфемного словообразования – словопроизводства и словосложения.

Стандартные способы **словопроизводства** предполагают словообразование префиксальным, суффиксальным и префиксально-суффиксальным способом, а также безаффиксальным, т.е. путём перехода в другую часть речи (с изменением или без изменения корневого гласного), часто называемого конверсией. Наблюдения над фактическим языковым материалом даёт основание сделать несколько интересных заключений.

Как показывает анализ производных слов, в тематической сфере «Миграция» образование существительных, обозначающих процесс миграции и его участников, чаще всего осуществляется путем **суффиксации**, т.е. присоединения к лексической основе суффикса немецкого происхождения -t, -ung, -ling, -er, -ler или суффикса иностранного происхождения -ant, -tion. Необходимо отметить, что наблюдения над анализируемыми словообразовательными конструкциями показывают, что чаще суффикс добавляется не к первичной основе, как в случае таких номинаций, как Flucht, Migration, Asylant, а к основе, которая уже является результатом префиксации корневой морфемы глагола, например: Immigration, Einwanderung, Auswanderung, Zuwanderung, Zuzug при обозначении процесса миграции или Flüchtling, Immigrant, Einwanderer, Auswanderer, Zuwanderer, Zuzügler при номинации участников этого процесса.

Очевиден и тот факт, что для образования суффиксальных номинаций и процесса миграции, и участников этого процесса могут использоваться производящие основы как немецкого происхождения (ср. основа *flieh-*, трансформированная под влиянием аблаута и чередования согласных в *fluch-* и *flüch-*; основа *zieh-*, пережившая подобные изменения – аблаутизацию и чередование согласных – и используемая в форме *zug-* и *züg-*), так и производящие основы латинского происхождения (ср. *migrat-* из *лат. migratio-*, *asyl-* из *лат. asylum* ← из дрвн. греч. ἄσυλον в форме ἄσυλος).

Анализ структуры производящей глагольной основы многих существительных немецкого языка, обозначающих процесс и участников миграции, осложненной префиксом, позволяет выявить наиболее часто применяемые префиксы. К ним можно отнести префиксы иноязычного происхождения *e-* и *im-*, присоединяемые к латинской производящей основе (ср. *Emigration* ← *emigro*, *Immigration* ← *immigro*), а также префиксы немецкого происхождения *aus-*, *ein-*, *zu-*, присоединяемые к немецким первичным основам глаголов (часто параллельно с влиянием внутренней флексии - аблаута и чередования согласных), ср. *Einwanderung* ← *einwander-*, *Zuwanderung* ← *zuwander-*, *Zuzügler* < *zuzieh-*.

Если рассматривать прилагательные анализируемой тематической сферы «Миграция», образованные по суффиксальной модели словообразования, то они, так же как и прилагательные, образованные по префиксальной модели, представлены в анализируемом материале единичными примерами. Так, прилагательное *migrantisch*, возникшее с помощью суффикса *-isch*, обладает широкой лексико-семантической валентностью и встречается в разных контекстах: *migrantische Herkunft*, *Vereinskultur*, *Selbstorganisation*, *migrantischer Hintergrund*, *Widerstand* и многие др.

Другим прилагательным тематической сферы «Миграция», образованным в немецком языке с помощью двух суффиксов, является слово *migratorisch*, имеющее в словарной статье помету *fachsprachl.* и

реализующее значение "wandernd, durch Wanderung entstanden": migratorische Wende, Minderheit, Massenbewegung, Massen. Количество словосочетаний, в которых применяется это прилагательное в качестве определения, незначительно, что объясняется его принадлежностью к официально-деловому стилю.

В корпусе анализируемых примеров нами выявлен лишь один пример прилагательного, которое образовано по модели префиксации: к корневой морфеме прилагательного добавляется префикс латинского происхождения anti-: antimigrantisch. Это прилагательное чаще всего сочетается с такими существительными, как Politik, Protest(e), входит в состав сочинительного сложного прилагательного antimigrantisch-rassistisch или используется в функции наречия, характеризуя действия или процессы, выражаемые сказуемым в структуре высказывания.

Применение суффиксально-префиксального способа для образования номинаций тематической сферы «Миграция» встречается довольно редко, нами был найден только один пример: postmigrantisch. Представляется, что данный пример, так же как и antimigrantisch, можно трактовать двояким образом, если применить широко распространенный в словообразовании метод анализа словообразовательной конструкции по непосредственно-составляющим. В этом случае можно говорить о префиксации прилагательного migrantisch или суффиксации субстантивных производящих основ antimigrant- и postmigrant-. В таких случаях обычно говорят о суффиксально-префиксальном способе словообразования, хотя логичнее рассматривать эти случаи как префиксальные образования, образованные от осложненных суффиксом адъективных производящих основ.

Несколько существительных, функционирующих в медийных текстах в качестве номинаций участников миграционного процесса, используемых, как правило, в форме множественного числа, образованы безаффиксальным способом словообразования, а именно при помощи субстантивации

причастия I и II: (die) Asylsuchende(n) (die) Asylberechtigte(n), (die) Vertriebene(n), (die) Geflüchtete(n). Безаффиксальным способом образовано и существительное *Zuzug*, используемое в немецкоязычном медиадискурсе как обозначение процесса миграции. Оно является результатом субстантивации глагольной производящей основы, осложненной префиксом *zu-* и претерпевшей влияние умлаутизации.

Рассмотрим другой продуктивный способ немецкого словообразования – словосложение, благодаря которому арсенал номинаций миграционного процесса и его участников, используемых в немецкоязычном медийном дискурсе, значительно увеличился. Наиболее распространённой моделью в субстантивном словосложении является модель образования определительных сложных слов, называемых также детерминативными композитами, посредством сложения двух лексических основ.

Немногочисленными примерами лексики из тематической сферы «Миграция» являются слова, образованные сложением двух основ без помощи соединительного элемента, в которых основной компонент детерминативных композитов обозначает участников миграции, например: **Republikflüchtling**, **Ostflüchtling**, **Umweltschutzflüchtling**, **Sozialflüchtling**. Сами композиты такого типа часто встречаются в медиадискурсе, они дифференцируют мигрантов по тому или иному признаку с помощью первого, определительного компонента сложного слова. Подобным образом образованы и такие определительные композиты, именующие участников процесса миграции, как **Fluchtmigrant**, **Heimatvertriebene**, **Sozialzuwanderer**, **Spätaussiedler**, **Späteinwanderer**. Приведенные примеры свидетельствуют, что в качестве определительного компонента таких композитов могут выступать как имена существительные (корневые или сложные слова), так и имена прилагательные. Данная модель образования композитов лежит и в основе номинаций миграционного процесса, частотных в медийном дискурсе Германии: **Fluchtmigration**, **Fluchtzwanderung**.

Значительно чаще сложение лексических основ сложного слова при обозначении процесса миграции или участников миграции происходит при помощи соединительного элемента -(e)s-: **Armutseinwanderung**, **Bootsflüchtling**, **Wirtschaftsflüchtling**, **Kriegsflüchtling**, **Armutzuwanderer**.

В ходе исследования номинаций со структурой сложного слова, относящихся к тематической сфере «Миграция», нами установлена следующая закономерность: базовые номинации миграции и её участников (исследованные и описанные в разделе 1.1.) в модели определительного словосложения намного чаще выполняют роль определительного компонента композитов, чем роль основного компонента. Они служат для уточнения или характеристики многих понятий, связанных с процессом и участниками миграции, репрезентируя таким образом огромную сеть ассоциативных связей, которые присущи понятиям, обозначаемым словами, отражающими понятийное ядро концепта «Миграция». Ниже будут приведены примеры композитов с таким структурным оформлением, наиболее часто встречающихся в медийных текстах. При этом необходимо учитывать, что сочетание лексических основ в композите может осуществляться с помощью таких соединительных элементов, как -(e)s-, -(e)n-, -e- или -er-, а сами композиты образуют словообразовательные гнезда или ниши:

1) **Flüchtling**: **Flüchtlingsausweis**, **Flüchtlingselend**, **Flüchtlingshilfe**, **Flüchtlingslager**, **Flüchtlingsstrecke**, **Flüchtlingswelle**, **Flüchtlingsheim**, **Flüchtlingsrat**, **Flüchtlingsstrom**, **Flüchtlingsgipfel**, **Flüchtlingskrise**, **Flüchtlingspolitik**, **Flüchtlingsschicksal**, **Flüchtlingsdebatte**, **Flüchtlingstragödie**, **Flüchtlingsabkommen**, **Flüchtlingsorganisation**, **Flüchtlingszustrom**, UN-**Flüchtlingskonvention**;

2) **Asylant**: **Asylantenstrom**, **Asylantenkammer**, **Asylantenzustrom**;

3) **Vertriebene**: **Vertriebenenorganisation**;

4) **Migration**: **Migrationspolitik**, **Migrationsbeirat**, **Migrationstheorie**, **Migrationshintergrund**;

5) **Auswanderung**: **Auswanderungs**behörde, **Auswanderungs**welle, **Auswanderungs**unternehmer;

6) **Zuwanderung**: **Zuwanderungs**gesetz, **Zuwanderungs**quote, **Zuwanderungs**politik, **Zuwanderungs**strom;

7) **Zuzug**: **Zuzug**genehmigung, **Zuzug**ssperre.

Необходимо отметить многообразие лексических номинаций данной тематической сферы, образованных посредством словосложения.

Не менее интересный случай с точки зрения морфологического подхода представляют собой существительные, образованные сложением двух лексических основ, одна из которых является сложнопроизводным словом, например: **Asylbewerberheim** <- Asylbewerber + Heim, **Asylbewerberunterkunft** <- Asylbewerber + Unterkunft. Иногда обе лексические основы композита имеют осложненную структуру сложного или сложнопроизводного слова, например: **Asylbewerberleistungsgesetz** <- Asylbewerber + Leistungsgesetz.

Сложные или сложнопроизводные прилагательные или наречия в тематической сфере «Миграция» в медийном немецкоязычном дискурсе представлены единичными примерами, например: **auswanderungswillig**, **asylberechtigt**.

Необходимо отметить, что другие способы словообразования в представленной тематической сфере не участвуют.

В заключение назовем еще раз основные способы словообразования, позволяющие расширить набор средств репрезентации процесса миграции и его участников, а также связанных с ними понятий тематической сферы «Миграция» в немецкоязычном медийном дискурсе. Прежде всего, это словосложение, включающее также образование сложнопроизводных слов, аффиксальное словопроизводство – прежде всего суффиксация, реже префиксация, и безаффиксное словопроизводство, представленное субстантивацией причастий I и II.

2.3. Эвфемизация как средство снижения категоричности репрезентации понятий тематической сферы «Миграция»

В современной немецкой прессе все чаще находят применение стилистически нейтральные слова или выражения, употребляемые вместо синонимичной языковой единицы, которая представляется пишущему неприличной, грубой, резкой или нетактичной. В лингвистической литературе этот процесс обозначается термином «эвфемизация».

Как известно, слово *эвфемизм* восходит к греческому слову εὐφήμη – благоречие (из др.-греч. εὖ «хорошо» + др.-греч. φήμη «речь»). Первое упоминание термина «эвфемизм» традиционно относят к концу 17 века и связывают с именем английского лексикографа Томаса Блаунта, который в своем словаре трудных слов дал определение данного языкового феномена: «a good or favourable interpretation of a bad word», имея в виду «хорошую или выгодную интерпретацию плохого слова» (Цит. по: Никитина 2009: 1). Этимология термина отражает основную функцию эвфемизмов.

Д.Н. Шмелев называет *эвфемизмами* слова или выражения, служащие в определенных условиях для замены таких обозначений, которые представляются говорящему нежелательными, не вполне вежливыми, слишком резкими (Шмелев 1979: 402). Как отмечает А.С. Карпова, в данном определении обращается внимание на «этикетную», смягчающую функцию эвфемизмов и указывается их зависимость от условий речи, контекста (Карпова 2001: 152).

Традиционно под эвфемизмом понимается «эмоционально нейтральное слово или выражение, употребляемое вместо синонимичного ему слова или выражения, представляющегося неприличным, грубым или нетактичным» (Арапова 2002: 590).

Если синтезировать основные признаки из выше приведённых определений, то можно дать рабочее определение эвфемизма, на которое мы будем опираться в настоящем исследовании: **эвфемизмы** – это корректные и эмоционально нейтральные слова и выражения, используемые вместо слов и выражений, недопустимых обществом или нежелательных с точки зрения автора в целях избежать прямого наименования всего, что способно вызвать негативные чувства у адресата, а также с целью маскировки или искажения определенных фактов действительности (Духовная 2013: 8).

Эвфемия является многоаспектным языковым явлением, которое обусловлено экстралингвистическими факторами и имеет, кроме собственно лингвистической, социальную, психологическую, культурную природу. В рамках современных научных подходов эвфемизмы изучают также в аспекте речевой прагматики как явление, которое играет важную роль в обеспечении эффективной коммуникации (Логвинова, Сахно 2015). Эвфемические слова или выражения способны вуалировать факты и события, имеющие для общественного сознания заведомо неблагоприятную систему оценок и вызывающие антипатию. Лингвистическая природа эвфемизмов выражается в том, что они отвлекают внимание реципиента от запретного понятия и, таким образом, являются эмоционально–нейтральными субститутами нежелательных или слишком резких обозначений.

По мере изменения общества и языка развиваются первоначальные и появляются новые **темы** эвфемизации, включающие как традиционные запреты на произнесение неприятных и/или непристойных слов (сексуальные отношения, религиозные воззрения, смерть, внешность человека), так и новые проблемы, возникающие в обществе (названия профессий, нетрадиционная сексуальная ориентация, политические процессы).

Эвфемизм как универсальный языковой феномен в своей основе имеет **три взаимосвязанных аспекта:**

1) социальный, подразумевающий приемлемость того или иного слова или выражения и запрет на грубые, неприличные номинации, обусловленный

требованием соблюдения вежливости в процессе коммуникации; 2) психологический, имеющий целью уважительное отношение к собеседнику, сохранение в процессе общения его достоинства, исключение всех возможных видов оскорблений; 3) лингвистический, задачей которого является подбор оптимальных языковых средств, обладающих благозвучием (эвфонией и эвсемией) и способностью смягчать исходный денотат (Чжан 2013 : Электронный ресурс).

Принципы, лежащие в основе выделения эвфемизмов, можно подразделить на обязательные и факультативные (Там же). **Обязательными** принципами считаются: 1) намеренное избегание обозначения нежелательного денотата; 2) улучшение характера денотата исходной номинации; 3) использование всех возможных языковых, формальных и неявных форм выражения. К **факультативным** относится принцип косвенности номинации, кроме того, для немецкого языка как языка синтетического строя характерен принцип учета специфики аффиксов.

Одним из активно обсуждаемых вопросов в современной научной литературе является целевой аспект использования эвфемизмов. Л.П. Крысин в работе «Эвфемизмы в современной русской речи» выделяет 3 основные **функции использования эвфемизмов**: 1) смягчение грубого и неприятного для говорящего; 2) маскировка действительности, камуфляж; 3) сокрытие действительности (Крысин 1994: Электронный ресурс).

Исследователи отмечают, что в последнее время формируется и новая функция эвфемизации речи – приукрашивание некоторых моментов действительности. Кроме того, наблюдается увеличение числа номинаций, применимых к широкому кругу вещей, о которых не хочется говорить прямо (старики, проблемная кожа, проблемные дети и др).

Смягчение – основная цель, которая преследуется говорящими при использовании эвфемизмов в социальных и межличностных отношениях – это стремление избегать коммуникативных конфликтов, не создавать у собеседника ощущения коммуникативного дискомфорта. При этом

происходит оценка говорящим предмета речи как такого, прямое обозначение которого осознается им как грубость, резкость, неприличие. Проявляется зависимость употребления эвфемизма от контекста и условий речи, социальная обусловленность представления о том, что может быть обозначено эвфемизмом. В эвфемизмах этого рода иначе, в более вежливой форме – по сравнению с иными способами номинации – называют объект, действие, свойство (*слабослышащий* вместо *глухой*; *незрячий* вместо *слепой*).

Маскировка действительности – к этой цели прибегают в тех случаях, когда, по мнению говорящего, прямое обозначение объекта, действия, свойства может вызвать нежелательный общественный эффект, негативную реакцию массового адресата, осуждение. Такие эвфемистические выражения в определенной степени скрывают неприятную для адресата суть понятий. Камуфлирующие наименования наиболее частотны при описании неприятных социальных сторон жизни, оценка которых может затрагивать престиж государства. Они широко используются в средствах массовой информации, особенно в политическом, экономическом и дипломатическом дискурсе (*нейтрализовать, обезвредить* вместо *убить*).

Соккрытие действительности – третья цель, преследуемая говорящими при употреблении эвфемизмов. Она заключается в стремлении сообщить нечто адресату таким образом, чтобы это было понятно только ему. В таких случаях слова и обороты употребляются не в их словарных значениях, а в тех, которые хочет выразить адресант (*девушка ищет спонсора* – «предоставляет сексуальные услуги за деньги»).

Что касается употребления эвфемизмов применительно к медийному дискурсу, то стоит отметить их способность к нейтрализации социальной напряженности при обсуждении тех или иных «острых» тем. Средства массовой информации обращены к широким слоям населения, воздействуя и формируя в определенной степени отношение общества к фактам действительности, поэтому авторы газетных и журнальных публикаций часто стараются избегать слов, являющихся прямыми номинациями явлений,

которые вызывают негативные эмоции у человека. С этой целью журналисты, политики, экономисты, общественные деятели применяют эвфемизмы.

В настоящем исследовании рассматриваются примеры эвфемизмов тематической группы «Migration» в немецком языке за последнее десятилетие. Для указания на участников процесса миграции в немецких СМИ в период с 2013 года по 2018 год авторами статей используется более десятка слов с различной коннотацией, которые несут различные оттенки значения и выражают различное отношение к объекту именованию. Эвфемизмами, используемыми в СМИ Германии, замещающими прямую номинацию *der Flüchtling*, можно считать следующие:

1) *kluge Köpfe*. Образованные иммигранты представлены в СМИ как умные головы, за которых ведется борьба между странами, предоставляющими им убежище, например: *Die klügsten Köpfe sind weltweit mobil, und wir konkurrieren mit Ländern wie den USA, Kanada, Australien, Großbritannien oder Frankreich um sie* (<http://www.zeit.de>, 21.10.2013).

Данный эвфемизм обладает исключительно положительной коннотацией, характеризуя иммигрантов как людей умных и целеустремленных, способных содействовать развитию страны.

2) Лексическая единица *Blut* и ее производные представляют иммигрантов как потенциал, как панацею в решении многих вопросов, например: *Eine Nation braucht frisches Blut, je mehr frisches Blut, desto besser. Und es muss nicht mal nur Qualifizierte-Facharbeiter-Blut sein* (<http://www.zeit.de>, 14.01.2014).

Из примера видно, что для некоторых немцев мигранты представляют собой «свежую кровь», необходимую каждой нации для полноценного и продуктивного развития, особенно, если это «кровь квалифицированных специалистов».

3) В 2007 г. в своем ежегодном новогоднем обращении Ангела Меркель называет переехавших в Германию иностранцев своими согражданами: *die*

bei uns lebenden ausländischen Mitbürgerinnen und Mitbürger. В обращении 2015 г. Ангела Меркель среди итогов уходящего года называет иммиграцию, а приезжих иностранцев обозначает эвфемистически: *Die Zuwanderung von Menschen, die ein Gewinn für uns alle ist.* Данный перифраз подчеркивает положительную оценку приезжих людей, которые являются для Германии обретением, дословно – выигрышем.

4) Ещё одна своеобразная формулировка, использованная Ангелой Меркель в новогоднем выступлении 2016 г.: *Von gelungener Einwanderung aber hat ein Land noch immer profitiert – wirtschaftlich wie gesellschaftlich.* В речи политика не говорится, кто переехал и в какую страну. Несмотря на умолчание, все же понятно, что имеются в виду иностранцы, переселившиеся в Германию.

5) В одной из статей немецкого журнала за 2016 г. беженцев называют словосочетанием *Opfer von Krieg, Terror, Hunger und Schleppern.* Приведенная лексическая единица *Opfer*, хотя и имеет негативное значение, в контексте используется автором статьи как эвфемизм, чтобы вызвать сочувствие к судьбе беженцев.

Проведенный анализ примеров с эвфемизмами тематической группы «Миграция», извлеченных из СМИ Германии, свидетельствует о том, что в качестве основных **причин** перифраз эвфемистического характера для обозначения беженцев можно рассматривать следующие:

- 1) попытку воздействовать на чувства граждан, вызвать сопереживание к судьбе этих людей, терпящих жизненные лишения;
- 2) стремление ненавязчиво продвигать мысль о том, что иностранные переселенцы – это благо для Германии;
- 3) желание избежать дискуссии терминологического характера по определению понятий *мигранты – беженцы – вынужденные переселенцы*;
- 4) намерение учитывать мнение людей, которым тема беженцев неприятна или вызывает раздражение.

2.4. Косвенные номинации в отражении миграции в медийном дискурсе

С изменением научного представления о природе и функциях человеческого языка вообще, об основных признаках и категориях слова в частности, расширилась, естественно, и сфера изучения лексических единиц: выделились новые области изучения слов. В последние десятилетия возрос интерес к проблемам ономазиологии, продолжается активное обсуждение вопросов, связанных с определением механизма, функций и влияния прямой и вторичной номинации (Ягафарова, 2014: 2505-2507).

Проблемы номинации вызывают большой интерес у многих лингвистов. Исследованием номинативных аспектов языка занимались такие отечественные ученые, как Б.А. Серебrenников, В.Г. Гак, Н.Д. Арутюнова, Ю.С. Степанов, Г.В. Колшанский, О.П. Сологуб, Е.С. Кубрякова, В.В. Лопатин, Н.М. Шанский и другие.

В отечественном языкознании развитие теории номинации, или ономазиологии, приходится на 60-е гг. XX века. Сам термин номинация используется в разных, хотя и связанных между собой значениях. Номинация понимается в узком и широком смысле слова. В первом случае под номинацией подразумеваются только лексические единицы, во втором – не только лексические, но и синтаксические конструкции (Зарипова, 2016: 10)

В.Г. Гак трактует понятие номинации как процесс и результат наименования, при котором языковые элементы соотносятся с обозначаемыми ими объектами (Гак, 1977: 230-293.)

В.Н. Телия определяет номинацию как «образование языковых единиц, характеризующееся номинативной функцией, т.е. служащих для называния, вычленения фрагментов 71 действительности и формирования соответствующих понятий о них в форме слов, сочетаний слов,

фразеологизмов и предложений. Этим термином обозначают и результат процесса номинации – значимую языковую единицу» (Телия, 1991: 336).

Из множества трактовок термина наиболее приемлемым для данного исследования можно считать определение, которое предложил Е.А. Косых, в котором номинация представляет собой объективный процесс, связанный с обозначением ситуаций, предметов, явлений окружающей действительности, необходимый для достижения коммуникативной удачи в обществе. Результатом процесса присвоения имени объекту (явлению, качеству, количеству, действию) обязательно является номинативная единица – слово, словосочетание, предложение / высказывание, которое можно отнести к первичной или вторичной номинации (Косых, 2016: 36).

Номинацию можно рассматривать как первичный акт (**первичная номинация**) и вторичный акт (**вторичная номинация**). Под **первичной номинацией** традиционно понимается акт присвоения имени объекту, который ещё не имеет названия. На современном этапе функционирования языка первичная номинация – крайне редкое явление. Новые слова появляются только в тех случаях, когда создаётся артефакт (т.е. предмет деятельности человека) или открывается, обнаруживается неизвестный. Например, слово «лазер» возникло из английского словосочетания "Light Amplification by Stimulated Emission of Radiation" (усиление света в результате вынужденного излучения). С точки зрения происхождения оно мотивировано, представляет собой аббревиацию.

В определённой степени появление неологизмов можно наблюдать в детской речи, хотя здесь их появление исследователи объясняют явлением реноминации или субституции, т. к. в большинстве случаев мы сталкиваемся с процессом переименования предмета, уже имеющего узуальное имя. Именно в таких случаях и может идти речь о процессе вторичной номинации (Там же).

Под **вторичной номинацией** понимается процесс присвоения имени объекту, уже имеющему название. Вторичная номинация ярко

демонстрирует номинативные и творческие возможности языка и его носителей, указывает в определённой степени на мотивацию выбора признака, кладущегося в основу номината. Развитие вторичной номинации – один из показателей динамического развития языка: она способствует развитию синонимических отношений в языке и речи. Однако синонимичные языковые единицы могут представлять собой акты и первичной, и вторичной номинации, либо представлять собой акты одной номинации. Учитывая разный характер первостепенности указанных номинаций, в то же время необходимо отметить, что механизм номинации практически не различается.

В.Н. Телия указывает, что в таком случае в языке закрепляются, как правило, такие вторичные наименования, которые представляют собой наиболее закономерные для системы данного языка способы именования, восполняющие недостающие номинативные средства (Телия, 1991: 336).

Согласно мнению ученого-языковеда, для вторичной номинации характерно два принципиально различных способа отображения действительности и отнесения смыслового содержания наименований к обозначаемым объектам. **Первый** заключается в том, что имеет место не прямое отображение предмета, объекта, которое основывается на «предшествующем» значении слова, отдельные признаки которого могут выступать в качестве внутренней формы, переходя в новое значение. Номинативная единица, сохраняя звуковую форму, развивает содержательную сторону. Ценность нового лексического значения состоит в смысле, который заключен в значении, что выражается в самостоятельной номинативной функции слова в его новом номинативно-производном значении.

Второй способ отображения действительности, по мнению В.Н. Телии, осложняется подключением к процессу называния «комбинаторно-синтезирующей» деятельности сознания и соответствующей языковой техники. Наряду с непрямым характером отображения реалий, опосредованным в результате сохранения части элементов прямого значения,

формирование нового смысла «старого» слова попадает под влияние содержания другого наименования, которое служит отсылочным элементом и «детерминирует характер отображения действительности в новом отношении именованного» (Телия, 1991). Производность подобных лексических значений отражает несамостоятельный характер номинативной функции обозначающего. Нередко слово с такими лексико-семантическими вариантами (косвенно-производными значениями) выступает как синтагматически обусловленное, что проявляется в их употреблении при построении номинативных единиц более высокого уровня.

К процессам вторичной номинации принято относить метафорические и метонимические переносы, а также словесные знаки, значение которых обусловлено контекстом, речевым актом. При этом метафора и метонимия рассматриваются как **вторичная косвенная номинация** (Косых, 2016: 28).

По участию и созданию конкретных языковых (речевых) единиц обозначения явлений и ситуаций действительности различают: лексическую, словообразовательную, синтаксическую и коммуникативную номинации.

Рассмотрим случаи употребления вторичной косвенной лексической номинации тематической сферы «Миграция» в немецких массмедиа.

По участию и созданию конкретных языковых (речевых) единиц обозначения явлений и ситуаций действительности различают: лексическую, словообразовательную, синтаксическую и коммуникативную номинации.

Рассмотрим случаи употребления вторичной косвенной лексической номинации тематической сферы «Миграция» в немецких массмедиа. В процессе анализа фактического материала нами выявлены немногочисленные случаи использования косвенной номинации участников миграционного процесса в текстах медийного дискурса. Перифрастические лексические номинации, основной функцией которых является эвфемизация негативно воспринимаемых в обществе понятий, частично уже рассмотрены нами в разделе 2.3. второй главы выпускной квалификационной работы. Поэтому в этом разделе мы проанализируем другие примеры лексических единиц,

которые не прямо, а через указание на определенные признаки, присущие или характерные для объекта номинации, не только называют его, но и выполняют определенную прагматическую функцию.

Например, слова "*Andere*" и "*Fremde*", с одной стороны, часто употребляются авторами немецких медиатекстов для выражения негативного отношения к беженцам и неприятия их немецким обществом. С другой стороны, они употребляются самими беженцами в интервью как средство идентификации себя в роли «чужих», т.е. людей, не являющихся «частью Германии». Об этом свидетельствуют заголовки газет ("*Wir und Andere*" 2016 года и "*Aus Fremden werden Freunde*" 2018 года) и тексты статей:

"Ich habe sehr große Angst. Ich fühle mich hier wie ein Fremder.
(<http://www.dw.com/de/heim-in-die-fremde/a-37242331>)

Sie folgten dem Ehrenkodex, dass man Fremde bei sich aufnehmen und ihnen helfen soll, auch unter Einsatz des eigenen Lebens.
(<http://www.dw.com/de/widerstand-gegen-judenverfolgung-der-nazis-in-albanien/av-42222492>)

Перифрастическая номинация "*Hilfesuchende*", используется авторами текстов немецких массмедиа не только для того, чтобы избежать тавтологии (пр. 1), но и для того, чтобы вызвать у читателей чувство жалости и сопереживания к беженцам, косвенно описать их бедственное положение (пр.2):

1. Damit verstärkt die vielfache Verlegung der Flüchtlinge auf das Festland - im vergangenen Jahr betraf das mehr als 26.000 Menschen - illegale Einwanderung. Auf den Inseln sind Staat und Einheimische gleichermaßen mit dem Ansturm der Hilfesuchenden überfordert.

(<http://www.spiegel.de/panorama/justiz/fluechtlinge-wie-schleuser-die-griechischen-inseln-nutzen-a-1200294.html>)

2. Mit der Bürgerwehr gegen die Hilfesuchenden (название статьи)
(<http://www.spiegel.de/politik/ausland/fluechtlingskrise-in-griechenland-die-vergessenen-von-samos-a-1176328.html>).

Для того, чтобы избежать тавтологии, в немецкоязычных медийных текстах прямая номинация участников миграции часто замещается словом "Bewohner", которое не является синонимом слова "Flüchtling", но благодаря контексту явно указывает на объект номинации, т.е. становится контекстуальным синонимом. Приведем примеры:

Mitte März war in der Aufnahmeeinrichtung in Nordschwaben die Situation eskaliert, als Beamte einen Bewohner für eine geplante Abschiebung abholen wollten. Andere Asylbewerber hielten die Polizisten davon ab (<https://www.bild.de/regional/muenchen/fluechtlinge/aus-uhaft-entlassen-donauwoerth-55804738.bild.html>).

Falls die Bewohner des Asylheims die Geldstrafen nicht hinnehmen, könnte es zu Prozessen am Amtsgericht in Augsburg kommen (<https://www.bild.de/regional/muenchen/fluechtlinge/aus-uhaft-entlassen-donauwoerth-55804738.bild.html>).

Еще одним ярким примером косвенной номинации мигрантов является лексема "**Obdachlose**", используемая авторами статей немецких СМИ для того, чтобы вызвать сочувствие к судьбе беженцев и их бедственному положению. Например:

So wie andere Obdachlose in anderen deutschen Städten (<https://www.zeit.de/gesellschaft/zeitgeschehen/2018-06/leben-deutschland>).

Am Zooverbindungsweg campierten Obdachlose in Zelten. Nun wurde das Lager aufgelöst (<https://www.bild.de/regional/berlin/berlin/illegales-zeltlager-geraeumt-53703926.bild.html>).

При описании процесса миграции и жизни мигрантов в немецкоязычном медийном дискурсе довольно часто можно встретить такую косвенную номинацию мигрантов, как "**Ankommende**", подчеркивающую их отчужденность от страны, в которую они прибыли. Например:

Fast alle der in Griechenland Ankommenden wollen in nordeuropäische Länder weiterreisen (https://www.zeit.de/politik/ausland/2016-
10

08/fluechtlingskrise-fluechtlinge-griechenland-eu-unterstuetzung-ioannis-mouzalas).

Zum anderen folgt die Politik der Losung, dass die Zahl der Ankommenden vor allem dann reduziert werden kann, wenn sich die Lebensumstände in deren Herkunftsländern verbessern (<https://www.zeit.de/2017/32/fluechtlinge-mittelmeer-politik-loesungen>).

Weitere Zielstaaten mit vielen Ankommenden waren Ungarn, die USA, Schweden, die Türkei (<https://www.zeit.de/gesellschaft/2016-09/oecd-bericht-fluechtlinge-syrien-asylbewerber-migration-migrationsbericht>)

Все зарегистрированные нами метафорические номинации позволяют констатировать, что в период с 2014 по 2018 годы в немецких СМИ наряду с прямым обозначением процесса миграции использовались вторичные косвенные номинации, преимущественно обозначающие миграцию как природную катастрофу. Приведем выдержки из медиатекстов с примерами следующих косвенных номинаций:

1. Лексема "***Strom***" (*Flüchtlings-, Menschen-, Asylantenstrom*), будучи метафорой в отношении процесса миграции, с одной стороны, указывает на стихийный приток беженцев в страну, с другой стороны, - выражает беспомощность принимающей страны в вопросах остановки бурного процесса миграции:

Nichts scheint den Menschenstrom stoppen zu können (<https://www.zeit.de/2017/29/fluechtlinge-mittelmeerroute-libyen-schliessung-sebastian-kurz>).

In der Folge versiegte auch in Deutschland der Strom der Flüchtlinge (<https://www.zeit.de/2017/32/fluechtlinge-mittelmeer-politik-loesungen>).

Sie sehen weniger den Strom der Einwanderer als eine Welle der Dankbarkeit, die warm auf sie, die Helferinnen, zurauscht (<https://www.zeit.de/2017/44/naechstenliebe-fluechtlingskrise-leid-gefuehllosigkeit>).

Für die Arbeitgeber sei „die Integration der Flüchtlinge neben der Begrenzung der Flüchtlingsströme eine herausragende Aufgabe“, sagte BDA-Chef

Göhner (<https://www.zeit.de/politik/2015-11/mindestlohn-forderung-arbeitgeber-ausnahme-fuer-fluechtlinge>).

2. Метафора "**Welle**" (*Flüchtlings-, Einwanderungswelle*), встречающаяся на просторах немецкоязычных СМИ, также отражает характер стихийного бедствия миграции и сравнивает приток беженцев с «волнами»:

Durch die Welle der Zuwanderung entsteht bei manchen Menschen das Gefühl: Wir sind gar nicht mehr bei uns zu Hause, sondern wir werden überfremdet." (<http://www.spiegel.de/politik/deutschland/joachim-gauck-zu-migranten-es-darf-keine-falschen-ruecksichtnahme-geben-a-1211613.html>).

Einen neuen Anstieg der Flüchtlingszahlen könne Griechenland in diesem Jahr nicht verkraften, sagte Kotzias. "Griechenland hat bei der Aufnahme von Flüchtlingen große Humanität gezeigt. Aber eine neue Flüchtlingswelle in diesem Sommer würde uns überfordern (<https://www.zeit.de/politik/ausland/2017-03/asylbewerber-griechenland-lehnt-ruecknahme-von-fluechtlingen-ab>).

3. Использование метафоры "**Flut**" (*Flüchtlingsflut, Asylantenflut*) в найденных нами статьях, как правило, обусловлено тем, что авторы описывают критичность положения страны в связи с миграцией и причины того, почему Германия не может справиться со складывающейся сложной ситуацией с беженцами, сравнивая миграцию с «поток, наводнением». Созданию наглядного представления миграции служит метафорическая номинация. Подтвердим это примерами:

Im Oktober 2015, mitten in der größten Flüchtlingsflut, kam er nach Bayern. (<https://www.zeit.de/2017/16/willkommenskultur-fluechtlinge-integration-einstieg-arbeitsmarkt-firmen>).

Dieser bilaterale Menschenhandel ist der neueste Tiefpunkt im österreichischen Flüchtlingschaos: überfüllte Aufnahmezentren, in denen die Menschen im Freien übernachten müssen, immer neue Zeltlager, lauter neue Ausreden, ständig alarmierende Botschaften über eine anschwellende Flüchtlingsflut und jede Menge widerborstiger Dorfkaiser, die ihr kleines Reich

zum Sperrgebiet erklären (<https://www.zeit.de/2015/29/fluechtlinge-ausgelagert-von-oesterreich-in-slowakei>).

Wirtschaftsflüchtlinge, Asylantenflut, all diese Begriffe sind nicht hier in Rostock erfunden worden (<http://www.spiegel.de/plus/bundesamt-fuer-migration-bamf-die-geschichte-einer-chaosbehoerde-a-00000000-0002-0001-0000-000157533400>).

Опираясь на анализ частотности употребления метафорических номинаций, репрезентирующих беженцев в немецких СМИ за последние пять лет, а также с учетом того факта, что тема «водной» метафорики периодически появляется в медийном дискурсе, представляется возможным, вслед за А.П. Чудиновым, говорить о так называемых периодах «метафорических бурь» (Чудинов, 2003).

Кроме того, нами было установлено, что появление в Европе большого числа мигрантов обусловило бурный рост и актуальность метафор, тематически восходящих к прямым номинациям явлений из сферы природных катастроф, прежде всего, обусловленных водной стихией. Активизация данной группы метафор произошла во время общественных перемен (массовой иммиграции в результате войн, чрезвычайных ситуаций, кризисов). Это позволяет нам сделать вывод о том, что выбирая в качестве вторичной номинации слова из тематической сферы природных стихий, авторы немецких медиатекстов хотели провести параллель между этими явлениями и степенью накала эмоций немецких граждан, страхом перед неуправляемостью миграционного процесса и его последствиями для принимающей стороны.

2.5. Особенности лексико–семантической валентности номинативных единиц тематической сферы «Миграция»

Сочетаемость слов как одна из существенных характеристик единиц языка стала в последнее десятилетие одной из центральных в семантических исследованиях. Сущность лексической сочетаемости базируется на лексико–семантической природе отношений между словами, эти отношения – это «отношения, основанные на линейном характере языка, исключающем возможность произношения двух элементов сразу» (Архипова, 2016: 53).

В речевом акте слова образуют синтаксические единства, или синтаксемы, минимальной из которых является словосочетание, а максимальной – предложение. Слова комбинируются с другими словами по определенным правилам. Их комбинаторные, или сочетательные, возможности подчиняются особым закономерностям. Основные закономерности сочетания одной единицы языка с другой объединяются понятием валентности. Изначально термин использовался только в сфере химии и обозначал способность атома к образованию новых связей, однако в область лингвистики термин был экстраполирован в ином значении. В Лингвистическом энциклопедическом словаре введение понятия валентности связывают с именем С.Д. Кацнельсона, впервые употребившего термин в том значении, в котором мы употребляем его сейчас, и противопоставившего валентность формальную содержательной. Формальная «связана с определенной словоформой и обусловлена элементами синтетической морфологии в данном языке», а содержательная «зависит исключительно от значения слова» (Кацнельсон, 1987: 21).

Введение термина в западноевропейское языкознание и его широкое распространение связывают с публикацией работы Л.Теньера (Теньер 1953: 4). В конце 60-х годов была разработана модель валентности, которая

распространялась только на глагол. В 70–е годы выяснилось, что ее можно применить и к другим частям речи.

Необходимо отметить, что ряд факторов – многообразие лексико–семантических и синтаксических связей, в которые вступает слово в потоке речи, неоднозначная трактовка многих положений связанных с валентностью, многоплановость самого явления – стали причиной обилия терминов, обозначающих такую связь: валентность (Степанова М.Д.), сочетаемость (Котелова Н.З.), дистрибуция (Лекомцев Ю.К.), интенция (Мразек Р.), избирательность (Абрамов Б.А.). В данном исследовании мы будем придерживаться термина, введенного С.Д. Кацнельсоном.

Вопросы валентности нашли отражение в работах и отечественных германистов – С.Д. Кацнельсона, В.Г. Адмони, М.Д. Степановой, Т.П. Ломтева, Б.М. Лейкиной, и зарубежных – Х. Бринкмана, И. Эрбена, Г. Хельбига, Х.И. Херингера, В. Бондзио, К. Хегера, В. Шенкеля, К.Э. Зоммерфельдта, Г Шрайбера.

Анализ большинства работ, в которых трактуется понятие валентности, показывает, что **валентность** следует понимать как способность единицы языка сочетаться с другими единицами языка, причем имеется в виду как их структура, так и их семантика. Так, например, М.Д. Степанова и Г. Хельбиг под валентностью понимают необходимое или возможное контекстуальное окружение слова, контекстуальную сочетаемость семантических или синтаксических партнеров в предложении (Аникина, 1995: 10-12). Аналогичную дефиницию валентности дает М.В. Аникина в своей работе: валентность – это способность слова создавать вокруг себя открытые позиции, которые должны быть заполнены облигаторно или факультативно актантами, репрезентированными определенными частями речи в соответствующих падежах (Там же).

Вслед за немецким лингвистом Г. Хельбигом в современной лингвистике выделяют три уровни валентности: логическую, семантическую и синтаксическую.

Логическая валентность имеет внеязыковой и универсальный характер и представляет собой отражение отношений между внеязыковыми явлениями.

Синтаксическая валентность регулирует заполнение имеющихся логико-семантических открытых позиций облигаторными или факультативными актантами и их синтаксико-морфологическую репрезентацию частями речи в определенных падежах. Логико-семантическая валентность лишь предопределяет синтаксическую, но никоим образом не определяет и не устанавливает её окончательно.

Семантическая валентность отражает тот факт, что слова требуют определенных контекстных партнеров с определенными семантическими признаками и исключают других контекстных партнеров с иными семантическими признаками (Аникина, 1995: 10-12).

Помимо логико-семантической и синтаксической валентности широкое распространение получило понятие **лексико-семантической валентности**, подразумевающей потенциальную способность слова устанавливать семантические связи со словами, словосочетаниями и предложениями на основе их обобщенного лексического и функционально-семантического значений. Лексико-семантическая валентность проявляется в избирательности лексем с учетом грамматических, узуальных, коннотативных, стилистических и фразеологических факторов. Совокупность этих факторов и создает лексическо-семантическую валентность слова.

Кроме того, М.Д. Степанова различает «внешнюю» и «внутреннюю» валентность слова. Функционируя в языке в качестве единицы, обладающей определенной внешней валентностью, обязательно выявляемой в каждом случае его речевой реализации, слово в то же время может обладать внутренней валентностью, под которой понимаются закономерности соединения составляющих его элементов (Степанова, Чернышева, 2003: 75). В этом случае речь идет о соединении элементов лексической основы слова,

а не лексической основы с грамматическими морфемами. Подобно тому, как внешняя валентность слова входит в его дистрибуцию, т.е. в его внешней контекст, внутренняя валентность связана с «внутренним контекстом», т.е. с оформлением мотивации слова, ее зависимостью от соответствующей словообразовательной модели и значения непосредственно составляющих основ.

Полагаем, что для настоящего исследования особенно важно рассмотреть и описать роль лексико-семантической валентности основных лексических единиц, репрезентирующих процесс миграции и участников этого процесса в немецкоязычном медийном дискурсе. Описание сочетаемости базовых лексем тематической сферы «Миграция» с другими лексемами в соответствии с законами семантики и синтаксиса, характерными для определенного конкретного языка как многоуровневой системы, позволит отразить те семантические составляющие, которые конституируют периферию понятий, репрезентируемых в немецкоязычном медийном дискурсе такими словами, как "Migration", "Zuwanderung", "Zuzug", "Migranten", "Flüchtlinge", "Zuwanderer".

Анализ языкового материала позволяет выделить ряд типичных синтаксических структур с ядерным компонентом, обозначающим участников миграционного процесса или сам процесс миграции. Рассмотрим словосочетания данного типа с каждым из семантически важных компонентов, выделив основные типы словосочетаний, образование которых стало возможным благодаря лексико-семантической валентности существительных, обозначающих участников миграции, либо сам процесс.

С учетом лексико-семантической валентности выше названных существительных в качестве наиболее типичных синтаксических конструкций нами выделены следующие словосочетания:

1) прилагательное (причастие) + существительное

Чаще всего в немецких медиатекстах для вербализации модели, в которой основной компонент обозначает участников процесса миграции,

встречаются следующие прилагательные, указывающие на континент, страну или происхождение мигрантов: afrikanisch, algerisch, asiatisch, indisch, irisch marokkanisch, mexikanisch, nordafrikanisch, tunesisch, türkisch, türkischstämmig и др., например:

Außerdem rief Jolie die 15 Mitglieder des Rates auf, die syrischen Flüchtlinge zu besuchen. Sie selbst habe das schon elfmal getan, zuletzt im Februar (<http://www.spiegel.de/politik/ausland/jolie-kritisiert-eu-fluechtlingspolitik-a-1030603.html>).

В ряде случаев прилагательные указывают на цвет кожи мигрантов (farbig, schwarzafrikanisch), их конфессию (muslimisch, christlich) или возраст (jugendlich, alt), что подтверждают следующие примеры:

Daran sind sie sehr massiv gehindert worden, und zwar gewalttätig, von etwa 150 bis 200 schwarzafrikanischen Flüchtlingen, die hier in der LEA Ellwangen wohnhaft sind (<http://www.dw.com/de/polizei-st%C3%BCrmt-fl%C3%BChtlingsheim-in-ellwangen/a-43631569>).

Er begründet sein Verbrechen als «notwendig» beim Kampf gegen islamische Zuwanderer und die Befürworter einer multikulturellen Gesellschaft (<https://www.dwds.de/r?corpus=zeit;q=islamische%20Zuwanderer>).

Частотны в сочетаниях с номинациями участников миграционного процесса и прилагательные, характеризующие их статус (potentiell, neu, legal, illegal, anerkannt), квалификацию (berufserfahren, qualifiziert), желание или нежелание адаптироваться к новым условиям жизни (integrationsunwillig, eingebürgert), количество (zahlreich., allermeist). Приведем примеры:

Auf eine Nachfrage zu den Zentren beim Kanzleramt in Wien, hieß es, "illegale Migranten" seien "nach ihrer Rettung an der Außengrenze zu stoppen und zu versorgen, anschließend sollten sie schnellstmöglich in ihre Herkunftsländer zurückgebracht werden" (<http://www.spiegel.de/politik/ausland/sebastian-kurz-zum-asyl-sie-bekommen-schutz-aber-nicht-das-bessere-leben-a-1211587.html>).

Und es bleibt auch richtig, dass die allermeisten Flüchtlinge einfach nur Menschen sind, die bei uns Schutz und ein friedliches Leben suchen

(<http://www.spiegel.de/politik/deutschland/fall-susanna-f-schuld-des-moerders-verantwortung-merkels-kommentar-a-1212024.html>).

Ein wichtiger Teil dessen war, anerkannte Flüchtlinge nach festen Quoten auf die einzelnen EU-Staaten zu verteilen. Ein wichtiger Teil dessen war, anerkannte Flüchtlinge nach festen Quoten auf die einzelnen EU-Staaten zu verteilen (<http://www.spiegel.de/politik/ausland/sebastian-kurz-zum-asyl-sie-bekommen-schutz-aber-nicht-das-bessere-leben-a-1211587.html>).

К словам, выполняющим в сочетании с существительными, репрезентирующими частников миграции, функцию определения, относятся и причастия *überlebend, lebend, gerettet, deportiert, ausgewiesen*, указывающие на характеристику мигрантов, подвергшихся определенным жизненным испытаниям, например:

Die überlebenden Flüchtlinge hätten die Leichen notdürftig an einem Strand in der südlichen Provinz Schabwa verscharrt, hieß es (<https://www.bild.de/politik/ausland/jemen/schlepper-stossen-fluechtlinge-ins-meer-52817650.bild.html>).

Для репрезентации синтаксической модели, в которой основной компонент обозначает процесс миграции, в немецких медиатекстах используются прилагательные и причастия, указывающие на масштаб (*groß, global*) или характер этого процесса (*erzungen, illegal, irregulär, legal, nützlich, umweltbedingt, ungesteuert, unkontrolliert, zirkulär*). Следующие примеры медийного дискурса иллюстрируют данный тезис:

Insgesamt ergibt sich dadurch wie im Wahlkampf eine Begriffskette von illegaler Migration, Asylmissbrauch und Terror (<http://www.spiegel.de/politik/deutschland/fall-susanna-f-schuld-des-moerders-verantwortung-merkels-kommentar-a-1212024.html>).

Dabei haben die Kritiker von ungesteuerter Migration ja durchaus recht, wenn sie auf Freiheitsverluste durch die "falschen" Zuwanderer hinweisen (<http://www.spiegel.de/politik/ausland/sebastian-kurz-zum-asyl-sie-bekommen-schutz-aber-nicht-das-bessere-leben-a-1211587.html>).

Ist Entwicklungspolitik somit genau das falsche Mittel, um die Ursachen von Flucht und irregulärer Migration zu bekämpfen? (<https://www.zeit.de/politik/deutschland/2018-06/philipp-ther-fluechtlinge-integration-interview>).

Selbstverständlich darf man den unkontrollierten Zuzug im Jahr 2015 problematisch finden, ohne ein Unmensch zu sein (<http://www.spiegel.de/politik/ausland/libyen-menschenhaendler-erschliessen-mindestens-15-migranten-a-1209748.html>).

2) существительное + глагол

Семантика репрезентантов понятия участников миграционного процесса предполагает их сочетание с глагольными лексемами, отражающими активные действия, выполняемые мигрантами (пр. 1) и действия, в которых мигранты выступают в качестве объекта воздействия (пр. 2)

1. действия, выполняемые мигрантами: arbeiten, bleiben, erreichen, ertrinken, kommen, klagen, leben, stammen (aus D.), stecken, sterben, strömen, überqueren, ziehen, warten, wohnen и многие др. Подтвердим тезис примерами из онлайн-изданий:

Vor allem Migranten aus Osteuropa leben auf der Straße, in Großstädten liegt ihr Anteil laut BAGW inzwischen bei rund 50 Prozent (<https://www.zeit.de/gesellschaft/zeitgeschehen/2018-06/roma-frankfurt-main-raeumung-gutleutviertel-leben-deutschland>).

Tausende Flüchtlinge klagen gegen ihren Asylbescheid (<https://www.zeit.de/politik/deutschland/2017-09/bamf-fluechtlinge-asyklagen-verwaltungsgerichte-ueberlastung>).

Niemand weiß, wie viele Flüchtlinge noch kommen werden. Die Bundesregierung geht in Berechnungen davon aus, dass von 2015 bis 2020 rund 3,6 Millionen Flüchtlinge nach Deutschland strömen (<http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-143351335.html>).

Flüchtlinge überqueren am Morgen des 01.11.2015 nahe Wegscheid (Bayern) die Grenze von Österreich nach Deutschland

(<https://www.bild.de/politik/inland/cdu/will-alle-fluechtlinge-ueberpruefen-lassen-55950848.bild.html>).

Etwa 15 000 Flüchtlinge stecken in Lagern auf griechischen Inseln fest, ohne Hoffnung (<https://magazin.spiegel.de/SP/2018/22/157535521/index.html>).

2. действия, в которых мигранты выступают в качестве объекта воздействия: abschieben, aufnehmen, ausbilden, ausweisen, beschäftigen, betreuen, deportieren, entdecken, etwas gewähren, festnehmen, finanzieren, inhaftieren, hassen, integrieren, kontrollieren, profitieren, räten, registrieren, rechnen, töten, sichern, vermeiden, unterstützen. Подтверждением служат следующие примеры в контексте.

Deutschland schiebt unterdessen weiter Flüchtlinge nach Bulgarien ab, obwohl diese dort so gut wie keine staatliche Unterstützung erhalten (<http://www.spiegel.de/panorama/gesellschaft/fluechtlinge-in-bulgarien-fotos-von-europas-grenze-a-1032185.html>).

Dort wurden ebenfalls zahlreiche Flüchtlinge aufgenommen (<https://www.zeit.de/politik/deutschland/2018-06/philipp-ther-fluechtlinge-integration-interview>).

Nun sollen mindestens 15 Migranten bei einem Fluchtversuch getötet worden sein (<http://www.spiegel.de/politik/ausland/libyen-menschenhaendler-erschiessen-mindestens-15-migranten-a-1209748.html>).

Eine Ihrer Thesen lautet, dass es für eine Gesellschaft besser ist, Flüchtlinge zu integrieren, als zu versuchen, Mauern zu errichten, um Migration aufzuhalten (<https://www.zeit.de/politik/deutschland/2018-06/philipp-ther-fluechtlinge-integration-interview>).

Aufnahmegesellschaften haben fast immer von der Ankunft von Flüchtlingen profitiert, das zeigt der historische Längsschnitt (<https://www.zeit.de/politik/deutschland/2018-06/philipp-ther-fluechtlinge-integration-interview>).

Чаще всего в немецкоязычных медиатекстах для вербализации модели, в которой основной компонент обозначает процесс миграции, встречаются

следующие глаголы: beschreiben, bringen, stehen (im Mittelpunkt), zunehmen, wachsen, sinken, например: *Durch die Migration wächst der Einfluss des Islam.* (<http://www.spiegel.de/panorama/gesellschaft/warum-in-italien-so-viele-fluechtlinge-obdachlos-sind-a-1209587.html>).

Migration, kulturelle Identität und die Kunst des Geschichtenerzählens stehen im Mittelpunkt des Literaturfestivals (<http://www.spiegel.de/politik/ausland/sebastian-kurz-zum-asyl-sie-bekommen-schutz-aber-nicht-das-bessere-leben-a-1211587.html>).

3) наречие + существительное

Данная синтаксическая конструкция реализуется в модели, где основной компонент обозначает участников процесса миграции, например:

Immer mehr Migranten aus Osteuropa landen in Deutschland auf der Straße (<https://www.zeit.de/gesellschaft/zeitgeschehen/2018-06/roma-frankfurt-main-raeumung-gutleutviertel-leben-deutschland>)

Im Juli sind weniger Migranten über das Mittelmeer in Italien angekommen als in den Monaten zuvor (https://www.dwds.de/r?q=weniger+Migranten&corpus=zeit&date-start=1946&date-end=2018&format=full&sort=date_desc&limit=50).

4) существительное + предлог + существительное

Чаще всего в немецких медиатекстах вербализация данной модели происходит только в том случае, когда основной компонент словосочетания обозначает участников процесса миграции. Довольно часто в модели используются предлоги *aus* и *in*, как, например, в предложениях:

Vor allem Migranten aus Osteuropa leben auf der Straße, in Großstädten liegt ihr Anteil laut BAGW inzwischen bei rund 50 Prozent (<https://www.zeit.de/gesellschaft/zeitgeschehen/2018-06/roma-frankfurt-main-raeumung-gutleutviertel-leben-deutschland>).

Steigt die Kriminalität in Deutschland durch die Zuwanderer aus Bürgerkriegsländern wie Syrien, Irak, Afghanistan? (заголовок статьи) (<https://www.bild.de/politik/inland/fluechtling/syrer-seltener-kriminell-55723012.bild.html>).

Zahlreiche Länder wie Malaysia, Indonesien, der Iran und Dänemark sagten den Flüchtlingen in Bangladesch humanitäre Hilfe zu. (<https://www.zeit.de/politik/ausland/2017-09/myanmar-rohingya-rakhine-regierung-erlaubnis-internationales-rotes-kreuz>).

**5) существительное + существительное (в родительном падеже)
/Генитивные атрибутивные конструкции в постпозиции/**

Такая синтаксическая модель практически не используется авторами в текстах немецких массмедиа, она встречается крайне редко:

Klaus Kinkel wies darauf hin, dass Kroatien selbst Opfer einer serbischen Aggression sei und die meisten Flüchtlinge des Lybien-Konflikts aufgenommen habe (<https://www.zeit.de/politik/ausland/2017-09/myanmar-rohingya-rakhine-regierung-erlaubnis-kreuz>).

В отдельную модель мы выделяем словосочетания, в структуру которых входят слова с количественным значением, которые могут относиться к различным частям речи. Это могут быть субстантивированные числительные, местоимения и наречия с количественным или неопределенным значением, порядковые числительные: Tausende, Hunderte, Dutzende, alle, viele, wenige, ein paar, keine, mehrere, manche, einige. Например:

Italien ist überfordert, Europa schaut zu: Tausende Zuwanderer leben zwischen Piemont und Sizilien obdachlos auf der Straße. (<http://www.spiegel.de/panorama/gesellschaft/warum-in-italien-so-viele-fluechtlinge-obdachlos-sind-a-1209587.html>).

Warum in Italien so viele Flüchtlinge obdachlos sind (<http://www.spiegel.de/panorama/gesellschaft/warum-in-italien-so-viele-fluechtlinge-obdachlos-sind-a-1209587.html>).

Jeder vierte Flüchtling hat einen Job (заголовок статьи) (<http://www.dw.com/de/jeder-vierte-fl%C3%BCchtling-hat-einen-job/a-44017978>).

Wieder sind Dutzende Flüchtlinge auf dem Weg nach Europa im Mittelmeer ertrunken (<http://www.dw.com/de/viele-tote-bei-bootsungl%C3%BCcken-im-mittelmeer/a-44061738>).

На наш взгляд, описание моделей сочетаемости базовых лексем тематической сферы «Миграция» с другими лексемами – в соответствии с закономерностями их лексико-семантической валентности – позволило установить содержание периферии понятий, репрезентируемых в немецкоязычном медийном дискурсе этими лексемами ("Migration", "Zuzug", "Migranten", "Flüchtlinge", "Zuwanderer").

Выводы по главе II

Результаты проведенного анализа фактического материала, а именно номинаций, репрезентирующих в немецкоязычном медийном дискурсе базовые понятия тематической сферы «Миграция» – процесс миграции и его участников – служат основанием для следующих выводов:

1. В качестве синонимических лексических единиц, активно функционирующих в медиадискурсе немецких СМИ для репрезентации процесса миграции, нами установлены слова, имеющие различное происхождение, различающиеся структурно, в плане семантических оттенков и частотности употребления: "Migration", "Zuwanderung", "Zuzug", "Einwanderung". Синонимический ряд номинаций, используемых в немецкоязычном медийном дискурсе для обозначения мигрантов, шире, он включает такие слова, как "Flüchtling", "Geflüchtete", "Migrant", "Asylant", "Asylbewerber", "Asylsuchende", "Einwanderer", "Vertriebene", "Zuzügler", которые, несмотря на их синонимическое значение, имеют ряд дифференциальных признаков. В рассматриваемых нами случаях синонимической номинации как участников миграции, так и процесса миграции в качестве ядерных компонентов синонимического ряда каждого из анализируемых случаев выступают нейтральные в стилистическом плане лексические единицы интернационального характера, имеющие достаточно

широкое значение в сравнении с другими лексемами синонимического ряда, значение которых включает те или иные конкретизирующие семантические оттенки (часто появляющиеся в семеме благодаря производному характеру синонимичных номинаций).

2. В словарном составе немецкого языка пласт лексики, репрезентирующей такие основные понятия тематической сферы «Миграция», как процесс миграции и его участники, включает большое количество сложных и производных слов. Анализ статей ведущих немецких газет и журналов показал, что применительно к тематической сфере «Миграция» образование новых слов осуществляется посредством двух наиболее продуктивных способов морфемного словообразования – словопроизводства и словосложения, что подтверждает репрезентативный корпус примеров.

3. Для репрезентации понятия "Flüchtling" в немецких СМИ в период с 2013 года по 2018 год используется более десятка слов с различной коннотацией, которые благодаря различным коннотативным оттенкам значения выражают и различное отношение к объекту именованию. В ходе анализа статей немецких СМИ нами были выявлены 5 ярких примеров эвфемизации участников процесса миграции, которые были описаны подтверждены примерами. Анализ эвфемизмов тематической сферы «Миграция», применяемых в немецкоязычных медийных текстах, позволил выявить основные причины применения перифраз эвфемистического характера для обозначения беженцев: а) попытку воздействовать на чувства граждан, вызвать сопереживание к судьбе этих людей, терпящих жизненные лишения; б) стремление ненавязчиво продвигать мысль о том, что иностранные переселенцы – это благо для Германии; в) желание избежать дискуссии терминологического характера по определению понятий *мигранты – беженцы – вынужденные переселенцы*; г) намерение учитывать мнение людей, которым тема беженцев неприятна или вызывает раздражение.

4. В последние десятилетия возрос интерес к проблемам ономазиологии, продолжается активное обсуждение вопросов, связанных с определением механизма, функций и влияния прямой и вторичной номинации. В процессе анализа фактического материала были выявлены немногочисленные случаи использования косвенной номинации участников миграционного процесса в текстах медийного дискурса. Такие лексические единицы не прямо, а через указание на определенные признаки, присущие или характерные для объекта номинации, не только называют его, но и выполняют определенную прагматическую функцию. В качестве косвенных номинаций в медийном немецкоязычном дискурсе часто используются слова "Andere" и "Fremde", "Hilfesuchende", "Obdachlose", "Ankommende", которые замещают прямое обозначение участников миграционного процесса. Подобную функцию выполняют и метафорические номинации миграционного процесса, в качестве которых в немецких СМИ часто функционируют лексемы "Strom", "Welle", "Flut". Частотность употребления метафорических номинаций беженцев в немецких СМИ за последние пять лет, а также тот факт, что тема «водной» метафоры периодически появляется в медийном дискурсе, дают основание говорить о так называемых периодах «метафорических бурь» (термин А.П. Чудинова).

Появление в Европе большого числа мигрантов обусловило бурный рост и актуальность метафор, тематически восходящих к прямым номинациям явлений из сферы природных катастроф, прежде всего, обусловленных водной стихией. Активизация данной группы метафор произошла во время общественных перемен (массовой иммиграции в результате войн, чрезвычайных ситуаций, кризисов). С помощью метафорических номинаций авторы немецких медиатекстов проводят параллель между этими явлениями и степенью накала эмоций немецких граждан, страхом перед неуправляемостью миграционного процесса и его последствиями для принимающей стороны.

5. Сущность лексической сочетаемости базируется на лексико-семантической природе отношений между словами, эти отношения носят линейный характер. В ходе анализа словосочетаний с ядерным компонентом, обозначающим процесс миграции или его участников (например, "Migration", "Zuwanderung" или "Flüchtling", "Migrant", "Asylbewerber"), выявлен ряд типичных моделей синтаксических структур, образование которых стало возможным благодаря лексико-семантической валентности существительных, обозначающих процесс миграции или его участников : 1) прилагательное (причастие) + существительное, 2) существительное + глагол, 3) наречие + существительное, 4) существительное + предлог + существительное, 5) существительное + существительное (в родительном падеже). В отдельную модель были выделены словосочетания, в структуру которых входят слова с количественным значением, которые могут относиться к различным частям речи (субстантивированные числительные, местоимения и наречия с количественным или неопределенным значением, порядковые числительные). Описание моделей сочетаемости базовых лексем тематической сферы «Миграция» ("Migration", "Zuzug", "Migranten", "Flüchtlinge", "Zuwanderer") с другими лексемами – в соответствии с закономерностями их лексико-семантической валентности – позволило установить содержание периферии понятий, репрезентируемых в немецкоязычном медийном дискурсе этими лексемами.

Заключение

Обобщение полученных в настоящей ВКР результатов исследования лингвистической репрезентации миграции в немецкоязычном медийном дискурсе позволяет сделать некоторые заключения, которые представляют интерес для лингвистов и специалистов в сфере межкультурной коммуникации.

Последние десятилетия характеризуются стремительным развитием массовой коммуникации и новых информационных технологий. Постоянное совершенствование существующих и появление новых средств массовой информации привело к созданию единого информационного пространства, образованного совокупностью множества медиапотоков. Всё это, так или иначе, сказывается на процессах появления и распространения слов, на особенностях их применения в речи и характере языковых изменений. В результате терроризма, гражданских войн, экономического, финансового и политического кризиса XX–XXI веков резко увеличилось число легальных и нелегальных беженцев из регионов с нестабильной ситуацией (стран Ближнего Востока и Африки), прибывающих в Европу в надежде получить убежище и лучшие условия жизни. Так, по данным ОБСЕ, только в период с января по сентябрь 2015 г. на территории ЕС было зарегистрировано более 700 000 заявлений на предоставление политического убежища, большая часть которых приходится на Германию. Изменения в политической, экономической, культурной и общественной жизни страны сразу нашли отражение в немецком медийном дискурсе, мгновенно реагирующем на общественные изменения различного характера.

Обзор и анализ научных трудов зарубежных и отечественных исследователей по избранной для изучения теме позволяют сделать вывод о том, что несмотря на длительный период исследования различных аспектов миграции, их лингвистическая репрезентация изучена недостаточно глубоко

и представляет собой широкое поле для новых исследований, подходов и взглядов.

Нами был проведен комплексный (структурно-семантический и прагматический) анализ языковых средств немецкоязычного медийного дискурса, репрезентирующих тематическую сферу «Миграция» на примере обозначения понятий "Fluchtling" и "Migration". В ходе исследования были решены следующие задачи:

- выявлены, систематизированы и описаны синонимические номинации процесса миграции и его участников, активно используемые в немецкоязычном медийном дискурсе;

- установлены основные способы словообразования, с помощью которых создаются номинации мигрантов и миграционного процесса, и описаны основные словообразовательные модели производных и сложных слов, репрезентирующих тематическую сферу «Миграция» на примере обозначения понятий "Fluchtling" и "Migration";

- выявлены эвфемистические, перифрастические и метафорические номинации, актуальные для немецкоязычного медийного дискурса при описании проблем миграции, а также их прагматическая значимость;

- выявлены и описаны особенности лексико-семантической валентности базисных номинаций в репрезентации процесса миграции и его участников в медийном дискурсе.

В связи с тем, что медийные средства постоянно обновляют арсенал номинативных единиц при изложении тех или иных общественно важных тем, к которым относится и миграция, полагаем, что данное исследование имеет дальнейшую перспективу. Новый ракурс в исследовании лингвистической репрезентации тематической сферы «Миграция» в медийных средствах может глубже раскрыть актуальные темы и проблемы происходящих миграционных процессов, а также предоставит возможность развить и исследовать положения, обозначенные в данной работе.

Список использованной литературы

1. Алефиренко, Н.Ф. Лингвокультурологическое содержание понятия «дискурс» в современной когнитивной лингвистике / Н.Ф. Алефиренко // Материалы X Конгресса МАПРЯЛ Русское слово в мировой культуре. Пленарное заседание. – Т. 1. – СПб.: Политехника, 2003. – С. 9 –18.
2. Алефиренко, Н. Ф. Методологические проблемы дискурса и дискурс-анализа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docplayer.ru/44707884-Metodologicheskie-problemy-diskursa-i-diskurs-analiza.html>. – (Дата обращения: 27.11.2016).
3. Алефиренко, Н.Ф. Текст и дискурс: учеб. пособие для магистрантов. / Н.Ф. Алефиренко. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. – 232 с
4. Аникина, М.В. К проблеме валентности в существительных в современном языке / М.В. Аникина // Вестник Мордовского университета. – 1995. – № 4. – С. 10 –12.
5. Архипова, Е.И. Этнокультурные коллокации в лексикографическом аспекте (на русском и англо-американском языковом материале): дисс. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2016. – 250 с.
6. Базина, Е.С. Тема миграции и мигрантов в российских СМИ: образ «Чужого» и проблема информационной объективности / Е.С. Базина // Бизнес. Общество. Власть. – 2015. – № 23. – С. 24–36.
7. Бардин, А.Л. Политизация дискурса по проблемам миграционного регулирования в Европейском Союзе / А.Л. Бардин // Человек. Сообщество. Управление. – 2017. – №3. – С. 6–17.
8. Бельчиков, Ю.А. Взаимодействие функциональных разновидностей языка (контаминированные тексты) / Ю.А. Бельчиков // Культура русской речи и эффективность общения. – М.: Наука, 1996. – С. 335 – 357.

9. Бобровская, Г.В. Когнитивно-элокутивный потенциал газетного дискурса: монография. – Волгоград: Издательство ВГПУ «Перемена», 2011. – 319 с.
10. Буряковская, В.А. Коммуникативные характеристики массовой культуры в медийном дискурсе (на материале русского и английского языков): монография. – Волгоград: Издательство ВГСПУ «Перемена», 2014. – С. 226.
11. Васильева, А.Н. Газетно-публицистический стиль. / А.Н. Васильева // Курс лекций по стилистике русского языка для филологов. – М., 1982.
12. Васильева, Л.В. Исследование модусных категорий в эволюции медиадискурса (на материале американской прессы XX века): дисс. ... канд. филол. наук. – Владивосток, 2011. – С. 224.
13. Васильева, А.Н. Общие понятия стилистики. Разговорно-обиходный стиль речи. / А.Н. Васильева // Курс лекций по стилистике русского языка для филологов. – М., 2005.
14. Волковицкая, М.С. Газетный стиль как один из самостоятельных функциональных стилей массовой коммуникации / М.С. Волковицкая // Академическая публицистика. – 2017. – № 7. – С. 18–23.
15. Гак, В.Г. К типологии лингвистических номинаций / В.Г. Гак // Языковая номинация (Общие вопросы). – М., 1977. – С. 230–293.
16. Горохова, Н.В. Проблема многозначности понятия «дискурс» / Н.В. Горохова // Омский вестник. – 2014. – №4. – С. 90–93.
17. Данюшина, Ю.В. Бизнес – дискурс / Ю.В. Данюшина. – М.: ГУУ, 2009. – 167 с.
18. Дейк, Т.А. Вопросы прагматики текста / Т.А. Дейк // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистика текста. Вып. 8. – М.: Прогресс, 1978. – С. 259–336.

19. Дейк, Т.А. Стратегии понимания связного текста. Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка / Т.А. Дейк, В. Кинч. – М.: Прогресс, 1988. – С. 153–211.

20. Дейк, Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. Дейк: под ред. В.И. Грасимова. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.

21. Дерягина, С.И. Типологическая характеристика периодических изданий и их воздействие на читателя С.И. Дерягина// Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2014. – №1. – С. 82–84.

22. Добросклонская, Т.Г. Массмедийный дискурс как объект научного описания / Т.Г. Добросклонская // Научные ведомости. – М., 2014. – № 13. – С. 181–187.

23. Добросклонская, Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ / Т.Г. Добросклонская. – М., 2008. – С. 5.

24. Духовная, И. Функции и семантика эвфемизмов и дисфемизмов в женских и мужских иллюстрированных журналах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dspace.ut.ee/bitstream/handle/10062/36210/ineta_duhovnaja_2013.pdf?sequence=1. – (Дата обращения: 11.04.2017).

25. Жданова, И.И. Толерантный газетный дискурс (на материале русскоязычной зарубежной прессы: дисс. ... канд. филол. наук. – Мурманск, 2015. – 239 с.

26. Зарипова, В.М. Номинация лиц в языке газеты: эволюция этикетных тенденций: монография / В.М. Зарипова. – Самара: Изд-во СГАУ, 2016. – 180 с.

27. Иванова, О.А. «Чужие» в метафорических репрезентантах беженцев / О.А. Иванова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. – № 4(70). – С. 103–106.

28. Иванченко, Т.А. Когнитивно-дискурсивный анализ лексико-семантического поля, вербализующего концепт "Migrant" в современном

немецком языке / Т.А. Иванченко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. – № 4 (70). – С. 106–112.

29. Казак, М.Ю. Язык газеты: учебное пособие / М.Ю. Казак. – Белгород: Издательский дом «Белгород», 2012. – 120 с.

30. Канцельсон, С.Д. Типология языка и речевое мышление / С.Д. Канцельсон. – Л.: Наука, 1972. – 213 с.

31. Карасик, В.И. О категориях дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты: сб. науч. тр. / отв. ред. В.И. Карасик. – Волгоград – Саратов: Перемена, 2013. – С. 34-39

32. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 233 с.

33. Караулов, Б.С. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса: вступ. статья [Текст] / Б.С. Караулов, В.В. Петров // Т.А. ван Дейк. Язык. Познание. Коммуникация. – Благовещенск: БГК им. Бодуэна де Куртенэ, 1989. – 308 с.

34. Карпова, А.С. Об эвфемистической функции фразеологических единиц / А.С. Карпова // Актуальные вопросы филологии и методики преподавания: Межвуз. сб. – Ростов-на-Дону, 2001. – 152 с.

35. Касевич, В.Б. Буддизм. Картина мира. Язык / В.Б. Касевич. – СПб.: Петербургское востоковедение, 1996. – 73 с.

36. Кибрик, А. А. Обосновано ли понятие «дискурс СМИ»? / А.А. Кибрик // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе; гл. ред. А.Г. Пастухов. – Орел: изд-й центр ОГИИК, 2008. – с.134–135.

37. Кожемякин, Е.А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования / Е.А. Кожемякин // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2010. – №2. – Вып.11. – С.13–21.

38. Комаров, Е.Н. К вопросу о роли СМИ в формировании медиакартины мира / Е.Н. Комаров // ⁹⁹Lingua mobilis, 2014. – №3. – С. 122–129.

39. Костомаров, В.Г. Русский язык на газетной полосе / В.Г. Комаров // Некоторые особенности языка современной газетной публицистики. – М.: Изд-во Московского университета, 1971. – 268 с.
40. Костомаров, В.Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики / В.Г. Комаров. – М.: Гардарики, 2005. – 289 с.
41. Костомаров, В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В.Г. Комаров. – СПб.: Златоуст, 1999. – 308с.
42. Косых, Е.А. Русская ономазиология / Е.А. Косых: учебное пособие. – Барнаул, АлтГПУ, 2016. – 102 с.
43. Кравцова, Е.В. Научный дискурс как вид институционального типа дискурса / Е.В. Кравцова. – Челябинск: Вестник ЮУрГУ, 2012. – № 25. – С. 130-131.
44. Крысин, Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи / Л.П. Крысин // Русистика. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-94.htm>.
45. Кубрякова, Е.С. Об исследовании дискурса в современной лингвистике / Е.С. Кубрякова // Филология и культура; отв. ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2001. С. 8-11.
46. Кубрякова, Е.С. Язык и знание. / Е.С. Кубрякова // На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 556 с.
47. Кузнецова, Н.В. Публицистический текст: Лингвистический анализ [Текст]: учеб. пособие / Н.В. Кузнецова, О.В. Трофимова. – М.: Флинта, Наука, 2010. – 127 с.
48. Лазутина, Г.В. Основы творческой деятельности журналиста: учебник для студентов вузов / Г.В. Лазутина. – М.: Аспект-Пресс, 2004. – 240 с.

49. Логвинова, С.А. Функционально-тематический аспект явления эвфемии [Текст] / С.А. Логвинова, Е.М. Сахно // Филологические науки. – 2015. – № 2. – С. 137–142.

50. Макушева, Ж.Н. К вопросу о дискурсе и его соотношении с текстом / Ж.Н. Макушева // Вестник Бурятского государственного университета. – 2008. – С. 75–78.

51. Мальцева, Ю.А. Концепт «Беженец» в немецких медиатекстах / Ю.А. Мальцева // Знак: проблемное поле медиаобразования. – Челябинск, Издательство: ООО Центр интеллектуальных услуг "Энциклопедия", 2016. – С. 39–43.

52. Миронова, Н.Н. Дискурс-анализ оценочной семантики / Н.Н. Миронова // Взгляды и тенденции в современной теории дискурса. – М.: НВИ-Тезаурус, 1997. – 158 с.

53. Михалева, К.И. Специфика газетно-публицистического стиля (на материале газет) / К.И. Михалева // Электронный научно-практический журнал «Культура и образование». – 2014. – № 12. – С. 73.

54. Навицкайтэ, Э.А. Лингвистические средства создания образа исламской угрозы в англоязычном дискурсе: дисс. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 2012. – 172 с.

55. Никитина, И.Н. Эвфемия в зарубежной и отечественной лингвистике: история вопроса и перспектива исследования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_17948637_72590157.pdf. – (Дата обращения: 15.04.2017).

56. Новикова, М.А. Тема миграции в современных отечественных и зарубежных региональных медиа-ресурсах: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Комсомольск-на-Амуре, 2017. – 16 с.

57. Ольшанский, И.Г. Лексикология. Современный немецкий язык. /И.Г. Ольшанский, А.Е. Гусева// Учебник для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 416 с.

58. Осипов, Г.А. Взгляды и тенденции в современной теории дискурса / Г.А. Осипов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2011. – С. 34–36.

59. Полонский, А.В. Современные масс-медиа: язык интолерантности / А.В. Полонский, М.В. Гречихин // Журналистика и медиаобразование: сб. тр. III Между- нар. науч.-практ. конф. (Белгород, 25–27 сент. 2008 г.): в 2 т. / под ред. проф. М.Ю. Казак, проф. У. Перси, проф. А.В. Полонского, доц. Е.А. Кожемякина. – Белгород: БелГУ, 2008. – Т. II. – С. 44–49.

60. Полякова, Е.А. Аббревиатуры в англоязычном медиа-дискурсе (на примере журналов «Vogue» и «Cosmopolitan») / Е.А. Полякова // Известия Тульского государственного университета.– Тула: Гуманитарные науки, 2014. – С. 310 –313.

61. Присяжнюк, Т. А. Дискурс печатных СМИ vs. газетно-публицистический стиль / Т.А. Присяжнюк, Р.З. Назарова // Известия Саратовского университета. – Новая серия. – 2012. – Т. 12. – С. 102–106.

62. Солганик, Г.А. Стилистика текста / Г.А. Солганик // Учебное пособие для студентов, абитуриентов, преподавателей-филологов и учащихся старших классов школ гуманитарного профиля. – М.: Издательство «Флинта», 2009. – 256 с.

63. Степанова, М.Д. Лексикология современного немецкого языка / М.Д. Степанова, И.И. Чернышова. – М.: Государственное издательство «Высшая школа», 1962. – 314 с.

64. Теньер, Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер. – М.: Прогресс, 1988. – 656 с.

65. Универсальюк, Е. А. Медийный социальный диалог в предметной области иммиграции как зона обновления итальянского языка: дис.... канд. филол. наук: 10.02.05 / Елена Александровна Универсальюк. – Иркутск, 2009. – 229 с.

66. Фуко, М. Воля истине: по ту сторону власти, знания и сексуальности. Работы разных лет [Электронный ресурс] / М. Фуко; пер. с

франц. С. Табачниковой. – М.: Касталь, 1996. – 448 с. – Режим доступа: www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/fuko_vol (Дата обращения: 21.02.2017).

67. Хохлова, И.В. Лексико-семантические и прагматические особенности немецкого медийного дискурса (предметная сфера «Иммиграция») / И.В. Хохлова. – Москва, 2016. – 255с.

68. Христианова, Н.В. Лексическая объективация концепта "Flüchtling" в германских печатных СМИ / Н.В. Христианова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. – № 12 (78). – С. 189 – 192.

69. Черняк, В.Д. Синонимия в русском языке/ В.Д. Черняк // Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2010. – 128 с.

70. Чжан, Ч. Эвфемизация в русском и китайском языках: лингвокультурологический и лингвопрагматический аспекты: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/evfemizatsiya-v-russkom-i-kitayskom-yazykah>. (Дата обращения: 25.02.2018).

71. Чудинов, А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А.П. Чудинов: монография. Уральский государственный педагогический университет. – Екатеринбург, 2003. – 248 с.

72. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса: дисс. ... докт. филол. наук. – Волгоград, 2000. – 431 с.

73. Шмелев, Д.Н. Современный русский язык / Д.Н. Шмелев. – М.: Просвещение, 1977.– 335 с.

74. Шмелев, Д.Н. Эвфемизм / Д.Н. Шмелев // Русский язык: Энциклопедия. – М., 1979. – С. 402.

75. Ягафарова, Г.Н. О факторах, влияющих на процесс номинации в языке / Г.Н. Ягафарова // Филологические науки. Фундаментальные исследования.– М., 2014. – №12.
76. Dijk, T.A. van. Ideology: A Multidisciplinary Approach / T.A. van Dijk. London: Sage, 1998. – 374 p.
77. Martindale, C. Coverage of Black Americans in five newspapers since 1950 / C. Martindale // Journalism Quarterly. – 1985.
78. Schiffrin, D. Approaches to Discourse /D. Schiffrin. – Oxford, UK; Cambridge, Mass., USA: B. Blackwell, 1994. – 470 p.
79. Simpson, J.H. The Refugee Problem. Report of a Survey / J.H. Simpson. – London: Oxford University Press, 1939. – 637 p.
80. Stepanova M.D., Černyševa I.I. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache: (Степанова М.Д., Чернышева И.И. Лексикология современного немецкого языка): Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 256 с.
81. Wood, N., Russel K. Media and Migration: Mobility and Difference. Taylor & Francis, 2002.

Список использованных словарей

1. Арапова, Н.С. Эвфемизмы / Н.С. Арапова // Лингвистический энциклопедический словарь; под. ред. В.Н. Ярцевой. 2-е изд. – М., 2002. – С. 590.
2. Арутюнова, Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь; под. ред. В.Н. Ярцевой.– 2-е изд., дополненное. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1990. – 685 с.
3. Информационная система “DWDS” [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dwds.de/> (Дата обращения: 01.12.2016– 30.04.2018).
4. Онлайн-словарь “PONS” [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.pons.com/%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B4> (Дата обращения: 01.12.2016– 30.04.2018).
5. Онлайн-словарь “ Duden” [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.duden.de (Дата обращения: 01.12.2016– 30.04.2018).
6. Словарь словообразовательных элементов немецкого языка / А.Н. Зуев, И.Д. Молчанова, Р.З. Мурясов, М.Д. Степанова. – М.: Рус.яз., 2000. – 536 с.
7. Телия, В.Н. Номинация / В.Н. Телия // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1991. – С. 336.

Список источников фактического материала

1. Электронный журнал “BILD” [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bild.de> (Дата обращения: 01.12.2016– 30.04.2018).
2. Электронный новостной журнал “DW” [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.dw.com .Новости и аналитика о Германии, России, Европе и мире (Дата обращения: 01.12.2016– 30.04.2018).
3. Электронный новостной журнал “SPIEGEL ONLINE” [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.spiegel.de/> (Дата обращения: 01.12.2016– 30.04.2018).
4. Электронный новостной журнал “ZEIT ONLINE” [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.zeit.de/> (Дата обращения: 01.12.2016– 30.04.2018).
5. Электронный новостной журнал “ZEIT ONLINE” [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.welt.de> (Дата обращения: 01.12.2016– 30.04.2018).